

Ацтеки. Военственные подданные Монтесумы

Автор:

[Жак Сустель](#)

Ацтеки. Военственные подданные Монтесумы

Жак Сустель

Загадки древних народов

В книге исследуется история блестящей и могущественной империи ацтеков, распространившей свое влияние от Мексиканского залива до берегов Тихого океана. Автор знакомит с повседневной жизнью народа, создавшего высокоразвитую культуру, исчезнувшую в результате испанской экспансии, культуру, которой может гордиться человечество.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Жак Сустель

Ацтеки. Военственные подданные Монтесумы

© Перевод, «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2020

* * *

Пока будет стоять этот мир, честь и слава Мехико-Теночтитлана не должны быть забыты.

Чималпаин Куаутлеуаницин

Введение

Прежде всего необходимо определить, какое место занимает предмет исследования этой книги в пространстве и времени, так как в течение двух или трех тысячелетий до нашей эры вплоть до рокового года вторжения европейцев (1519 год, или 1-й год Камыша, согласно местному календарю) на огромных просторах Мексики сменилось много различных цивилизаций. Они по очереди поднимались, как волны на море, и, как волны, исчезали, оставив руины.

Темой этой книги будет повседневная жизнь мексиканцев – «мешика», как они сами себя называли, – в начале XVI века. В конце каждого века, который по местному летоисчислению длился 52 года, проводился Великий праздник Нового Огня, «связующий годы». Последний такой праздник состоялся в 1507 году во время правления Монтесумы II Шокойоцина («младшего»). Мексиканская цивилизация была тогда в полном расцвете сил и молодости. Не прошло еще и ста лет с тех пор, как Ицкоатль (1428-1440), первый из великих правителей, основал союз трех городов. Один из этих трех был Мехико-Теночтитлан, который стал столицей. Именно в этом городе, на берегах и даже на воде озера, расположенного в углублении центральной долины на высоте 7500 футов и окруженного заснеженными вулканами, постепенно наращивалась мощь ацтеков. Спустя несколько десятилетий их господство распространилось на самую большую территорию, которую когда-либо знала эта часть света.

В то время, в 1507 году, на обширной территории от засушливых северных степей до жарких джунглей перешейка, от побережья Мексиканского залива до берегов Тихого океана никто не мог себе представить, что этой огромной

империи, ее культуре, искусству, богам через несколько лет будет суждено кануть в историческом катаклизме, на фоне которого даже падение Константинополя кажется сравнительно незначительным. В Мексике никто не знал, что люди с белой кожей из другого мира уже прочно закрепились на островах западного моря с 1492 года. Должно было пройти 27 лет между первым путешествием Колумба и высадкой Эрнана Кортеса на континент, что было отсрочкой длиной в четверть века, в течение которой два мира жили бок о бок, не зная друг о друге, разделенные всего лишь узким морским проливом.

Les peuples tout enfants a peine se decouvrent

Par-dessus les buissons nes pendant leur sommeil[1 - Совсем младенческие народы, рожденные в своих снах, едва распускаются над кустарниками (фр.).].

Эти строки де Винчи приходят на ум, когда мы размышляем об этом странном, остановившемся времени. В Европе современный мир начал вырываться из окружающих его привычных рамок: в том самом 1507 году, когда мексиканцы в очередной раз «связывали годы», зажигая новый огонь на вершине Уйшачтекатля, Лютер был посвящен в духовный сан. За год до этого Леонардо да Винчи написал «Джоконду», а Браманте начал строить собор Святого Петра в Риме. Франция была вовлечена в войну с Италией, а во Флоренции Никколо Макиавелли был министром внутренних дел. Испания нанесла поражение маврам в Гранаде и таким образом вернула себе последнюю из завоеванных у нее территорий; и непреодолимая экспансия побудила испанские каравеллы, солдат и миссионеров отправиться к только что открытым землям. Но пока волна не вынесла их за пределы островов – Кубы, Багамских, Таити. До побережья материка еще только-только добрались – это было побережье Гондураса и Дарьенского залива: ни один белый человек еще не знал, что за Юкатанским проливом и Мексиканским заливом лежат огромные территории со своими густонаселенными городами, войнами, государствами и храмами.

В Мексике точно так же ни о чем не подозревали, не имели ни малейшего понятия о том, что судьба уже стоит у дверей. Император продолжал методично организовывать жизнь на территориях, подчиненных мешика, правящему народу. Один за другим пали последние свободные города, и отдаленные тропические деревушки покорились власти высокогорной центральной равнины. Правда, некоторые маленькие государства сохранили свою независимость, особенно аристократическая республика Тлашкала, осажденный анклав посреди империи, отрезанный от торговли и рынков сбыта. Но шочияойотль, война, была необходима, когда во всей Мексике царил мир, ради служения богам и во славу

солнца.

Прошло несколько лет, и завеса, скрывавшая один мир от другого, была сорвана, что явилось неизбежностью. И они стали лицом к лицу: стальные клинки против мечей из обсидиана, ружья против стрел и копьеметалок, железные шлемы против украшенных перьями головных уборов. Дворцы, пирамиды, насыпные дороги через озера, каменные статуи и маски из бирюзы, процессии, сверкающие драгоценными камнями и перьями, жрецы, короли, священные книги – всему этому было суждено растаять и исчезнуть, как сон. И прежде чем оно исчезнет, давайте попытаемся уловить переливающийся образ, великолепие и тени уже обреченного мира.

Пришедшие последними на центральное плато мешика, или ацтеки, как их иногда называли в память об Ацлане, мифической отправной точке их странствий, всегда считали себя наследниками блестящих цивилизаций, которые были их предшественниками. Их знания о прошлом не шли далее нескольких сотен лет: для них пирамиды Теотиуакана, которые мы относим к VI веку, были построены богами на заре мира, в то же самое время, когда они создали солнце и луну. Для них все высокие искусства, архитектура, скульптура, гравировка, мозаика из перьев, изобретение календаря появились благодаря бывшим обитателям Тулы тольтекам, культура которых достигла своей вершины в X–XI веках.

Мексиканцы поместили Тулу и ее короля-бога Кецалькоатля, Пернатого Змея, в далекое и сказочное прошлое: именно Кецалькоатль и тольтеки открыли искусства и науки, которыми с тех пор обладала Мексика. Но черная магия Тескатлипоки, темного бога ночного неба, восторжествовала, и сияющий Кецалькоатль, изгнанный из Мексики, отправился через Атлантический океан по «священной воде» или, как гласят другие предания, сжег себя на погребальном костре.

В хаосе, который последовал за падением Тулы, волна за волной набегали на центральное плато кочующие северные племена, которые были известны под общим названием чичимека, что соответствовало греческому слову «варвары». В этом месте легенда и история совпадают. В XII веке началось великое переселение, которое привело мигрирующие народы один за другим на юг. Это были охотники и воины, не имевшие жилищ, не умевшие возделывать землю или ткать. Эти племена, вступившие в соприкосновение с остатками тольтекской цивилизации и с оседлыми местными жителями-земледельцами, которые

остались после крушения Тулы, вскоре основали деревни и города и приняли образ жизни предшественников. Вместо своих грубых диалектов они стали говорить на классическом науатльском наречии мексиканцев. Они построили города Кольуакан, Ацкапотсалько, Тецкоко, в которых аристократия жила исключительно культурной жизнью. Эти города боролись за главенство в долине, и каждый из них по очереди добивался его. И в этом мире, так напоминающем Италию эпохи Возрождения, полном сражений, заговоров и удивительных превратностей, бедное, непрошеное, униженное племя сумело овладеть несколькими маленькими болотистыми островами на озере своих могущественных соседей. Мешика основали свою столицу, жалкую деревушку из тростниковых хижин, вокруг храма Уицилопочтли, завистливого и упрямого бога, который был их проводником в течение ста пятидесяти лет их скитаний. Вокруг них простиралась топи без признаков пахотной земли, дерева или камня для строительства; вся осушенная земля находилась в собственности уже упрочившихся городов, и они твердо держались за свои поля, леса и каменоломни. В 1325 году этим скитальцам впервые было разрешено поселиться в одном мрачном месте. Однако в этом месте они увидели знамение, обещанное им их богом: сидящего на кактусе орла, который клевал змею. Должно было пройти еще пятьдесят лет, прежде чем они достигли достаточного уровня организации и провозгласили своего первого монарха, Акамапичтли. И даже тогда мешиканское государство было еще настолько слабо, а его судьба так неопределенна, что они были вынуждены принять владычество Ацкапотсалько, для того чтобы выжить; они не могли освободиться от него до 1428 года.

Никто не мог разглядеть зарождающуюся империю в этих скромных начинаниях: никто, кроме «посланцев богов», воинов-жрецов, которые были служителями идола Уицилопочтли во время скитаний. Они толковали его пророчества людям и верили, что в конце концов исполнится его обещание и они обретут власть. Именно они образовали первичное ядро того правящего класса, который менее чем через двести лет должен был привести мешика на вершину их имперской власти.

К началу XVI века ничего не осталось от этого небогатого и скромного начала, кроме чинампас на окраинах города – оригинальных плавучих садов, которые остались с тех времен, когда безземельные мексиканцы были вынуждены создавать себе твердую почву, насыпая ил со дна озера на плетеные плоты. Мехико-Теночтитлан, Венеция Нового Света, гордо вознес свои набережные и пирамиды над водами: для двух десятков племен имя его императора Монтесумы означало величие и власть. Сюда стекались богатства провинций, чья роскошь постоянно возрастала. Со сказочных времен Тулы ни один индеец

Мехико не видел таких чудес.

Нам известно о Мехико того времени, когда сюда пришли первые европейцы, из многочисленных путевых заметок, которые можно сравнивать и комбинировать. Археологические исследования в долине Мехико дали уже очень многое, и едва ли найдется такое место при раскопках, в котором нет ничего со времен ацтеков или даже более раннего периода. Уже найдено множество ритуальных и бытовых керамических сосудов, инструментов, оружия и скульптур. И все же постольку, поскольку мексиканцы обычно сжигали своих покойников вместо того, чтобы хоронить их, как это делали, например, сапотеки или миштеки, мы не располагаем почти неистощимым источником домашней утвари, одежды и украшений, которые хранят могилы в других местах. Более того, в самом Мехико не сохранилось ни одного древнего памятника из-за систематического разрушения города испанцами во время осады 1521 года и после нее.

Парадоксально, но мы гораздо лучше знакомы с архитектурой VII века далеких майя, нежели с мексиканской архитектурой XVI века. Храмы и пирамиды Паленке или Яшчилана, затерянные в джунглях Чьяпаса, выдержали и натиски непогоды, и нашествие растительности в течение более тысячи лет, в то время как постройки Мехико исчезли по разрушительной воле человека.

Но отрезок времени, который нас интересует, отличается от других периодов богатством письменных источников. Мексиканцы интересовались своей историей; они были неутомимыми ораторами и большими любителями поэзии; их не оставляли равнодушными обычаи и изделия других племен. Но более всего они были озабочены будущим, поэтому придавали огромное значение знаменам и чудесам. Так, было создано огромное количество книг, написанных пиктографическим способом, который в то же время был и символично-фонетическим, по истории, истории в сочетании с мифологией, географии, обрядам и прорицаниям. Мексиканская культура знала книги; ей также были ведомы бюрократизм и кипы официальных бумаг. В империи ацтеков имелись черты правового государства, и каждый спор, каждое судебное разбирательство приводило к накоплению папок с документами: например, если две деревни спорили из-за пахотных земель, они подтверждали свои показания картами и своими родословными, чтобы доказать, что та или иная семья имеет права на данные поля.

Большая часть этих отчетов была сознательно уничтожена после испанского завоевания. Многие книги имели отношение к религии и магии: епископ Сумаррага повелел захватить их и сжечь вместе с другими, без сомнения,

исключительно мирскими книгами, такими, как книги по истории и им подобные. К счастью, большое количество книг избежало огня; к тому же индейцы вскоре увидели преимущества алфавитного письма, которое привезли с собой европейцы, по сравнению с нечеткой и сложной системой, которой они пользовались до этого. Основываясь на старых пиктографических рукописях (некоторые из них были, несомненно, сохранены аристократическими фамилиями, несмотря на запрет), они составили летописи, иногда на мексиканском языке, но при помощи европейских букв, иногда на испанском. Эти хроники представляют собой огромную ценность: «Анналы Куаутитлана», книги по истории Чималпаина Куаутлеуаницина, Тесосомака и Иштлилшочитля, которые буквально переполнены точнейшей информацией о жизни древних мексиканцев.

Наконец, сами испанцы оставили нам несколько очень важных документов. Первая волна захватчиков, людей неотесанных в такой же степени, в какой они были храбрецами, тем не менее имела своим лидером государственного деятеля Эрнана Кортеса, а в их рядах был прирожденный писатель, человек, который умел и увидеть, и пересказать все то, чему он был очевидец, Берналь Диас дель Кастильо. Первые свидетельские показания европейца о совершенно незнакомом дотоле мире содержатся в письмах Кортеса к Карлу V и в воспоминаниях, которые Берналь Диас продиктовал в преклонном возрасте перед своей смертью. Свидетельства Кортеса более детальны; Диаса – спонтанны, забавны, трагичны. Фактически, никто из них не пытался увидеть и оценить увиденное беспристрастно; их взор был устремлен, главным образом, на фортификационные сооружения и оружие, богатства и золото. Они не знали местного языка, который они чудовищно искажали на каждом слове. Им внушала искреннее отвращение религия мексиканцев, которая, как они видели это, была отвратительным и заслуживающим осуждения поклонением дьяволу. Но, несмотря на это, их свидетельства обладают огромной ценностью как письменные документы, поскольку их глазами мы видим то, что человеку больше не суждено увидеть никогда.

После солдат пришли миссионеры. Самый известный из них, отец Бернардино де Саагун, достиг Мехико в 1529 году. Он выучил язык нахуатль, и, делая записи на этом языке под диктовку индейских аристократов и пользуясь помощью индейских писцов для иллюстрации рукописи, Саагун создал достойную восхищения монументальную книгу под названием «Общая история событий Новой Испании». Всю свою жизнь он посвятил этому труду, и она принесла ему недоверие властей, которые дважды, в 1571-м и 1577 годах, забирали его бумаги. Сказав последнее прости «своим детям-индейцам», он умер в Мехико в

1590 го-ду, так и не порадовавшись публикации хотя бы самого маленького фрагмента своей книги. Другие служители церкви, хотя они и не были такими, как Саагун, также оставили достойные уважения работы, особенно Мотолиниа.

В добавление к этим книгам первостепенной важности следует упомянуть часто анонимные описания и отчеты XVI века, написанные священниками, государственными чиновниками или юристами: и хотя их часто следует использовать с оговорками (точность не всегда была главной отличительной чертой их авторов), тем не менее они представляют собой кладезь информации. Имеется также множество индейских пиктографических записей, сделанных уже после завоевания, таких, как «Кодекс 1576 года», и юридических документов, так как и индейцы, и испанцы принимали участие в бесчисленных тяжбах по поводу земли и налогов; и в них можно встретить множество ценных фактов.

Короче, имеется много литературы по данной теме, которая позволяет нам увидеть эту последнюю ступень мексиканской цивилизации в изображении хоть и несовершенном из-за многих вопросов, оставшихся без ответа, но тем не менее подробном, живом и ярком.

Чтобы избежать неправильной хронологии и путаницы, мы должны ограничить себя не только во времени, но и в пространстве. Мы собираемся описывать главным образом городскую жизнь, жизнь горожан в Мехико-Теночтитлане. Кроме того, существовало очевидное культурное единство между этим городом и некоторыми соседними городами, особенно Тецкоко, расположенными на твердой земле побережья огромного озера, поэтому возражений против использования исторических источников, имеющих отношение к Тецкоко, будет не больше, чем против включения в наше описание некоторых деталей, взятых из Шочимилько, Чалько, Куаутитлана или других. И действительно, все говорит за то, что жизнь в долине Мехико, по крайней мере в городах, протекала одинаково.

Но никак нельзя оставить без внимания все упоминания об империи, чье существование, продукция, политическая деятельность и религиозные идеи имели такое сильное влияние на саму столицу. Империя зародилась в XV веке, начавшись с тройственного союза, трехглавого объединения, которое связало города-государства Мехико, Тецкоко и Тлакопан (в настоящее время Такуба): это объединение возникло как следствие войн, уничтоживших верховенство Ацкапотсалько. Однако изначальная подоплека тройственного союза вскоре

развалилась: сначала Тлакопан, а затем Тецкоко обнаружили, что их привилегии и их независимость получают все меньшее развитие под жестким давлением мексиканцев. К началу XVI века, хотя правители Тлакопана и Тецкоко были теоретически все еще союзниками мексиканского императора, их союз носил в большой степени всего лишь почетный характер. Ацтекский монарх мог вмешиваться в порядок наследования в обеих династиях, и фактически сам назначал себе вассалов, которые были в действительности имперскими чиновниками. Когда Кортес вошел в Мехико, его принял Монтесума, сопровождаемый двумя царями и несколькими назначенными правителями, – это указывало на то, насколько статус царей был приближен к статусу государственных чиновников. Теоретически налоги с провинций все еще делились между тремя правящими городами согласно первоначальной пропорции (две пятые – Мехико и Тецкоко, одну пятую – Тлакопану), но есть причина полагать, что император Теночтитлана делил налоги по своему усмотрению. По всей вероятности, этот союз уже становился государством, возглавляемым одним человеком.

В конце правления Монтесумы II империя состояла из 38 провинций, плативших дань; к ним нужно еще добавить маленькие государства с неопределенным статусом, которые располагались вдоль караванных и военных дорог между Оашакой и южными границами Шоконочко. Империя достигала побережья обоих океанов: Тихого в Куаутитлане и Атлантического по всему побережью Мексиканского залива от Точпана до Точтепека. На западе ее соседом было высокоразвитое племя тарасков Мичоакана, на севере – охотники-кочевники, чичимеки; на северо-востоке – хауштеки, отделившаяся ветвь племени майя. На юго-востоке независимая, но союзническая провинция Шикаланко образовала нечто вроде буферного государства между мексиканцами центральной части империи и майя с Юкатана. Некоторое количество владений или территорий племенных союзов сохранили свою независимость от Мехико, оказавшись либо анклавом на территории империи, либо расположенными на ее границах. Так обстояло дело с республикой нахуатлов Тлашкалой, находившейся на центральном плато, с княжеством Мецтитлан (а также Нахуатль) в горах на северо-востоке, с маленьким государством Йопи на побережье Тихого океана и с чинантеками, жителями высокогорья, которые жили тогда, как и в наши дни, в неприступном горном массиве между прибрежной равниной и долинами Оашака.

Сами провинции были в большей степени фискальными, нежели политическими единицами. В столице каждой провинции жил государственный чиновник, кальпишки, которому было поручено собирать налоги: его обязанности и полномочия этим были ограничены. Не было правителей, назначенных

центральной властью, за исключением укрепленных городов на границах империи или на недавно присоединенных землях, как, например, в Остомане напротив страны тарасканов, в Сосолане на территории миштеков, в Оашаке, или в Шоконочко на границе владений майя – всего было пятнадцать-двадцать таких городов. Что касается остальной территории, то там «провинция» означала не более чем финансовые рамки, в которых существовали объединившиеся города при весьма разнообразных политических режимах правления. Некоторые сохранили своих вождей при условии, что они будут платить дань, другие подверглись более жестокой колонизации и получили новых правителей, назначенных в Мехико. Каждый город сохранял свою политическую и административную автономию на том единственном условии, что он будет платить налоги, содержать свои армии и передавать судебные иски в Мехико или Тецкоко как в суд последней инстанции. Поэтому не существовало настоящей централизации: то, что мы называем империей ацтеков, было на самом деле несколько неопределенной конфедерацией городов-государств с сильно отличающимися друг от друга политическими организациями. До самого своего конца политическая мысль мексиканцев не выходила за рамки концепции города (альтепетля): основной единицей империи был автономный город; он мог вступить в союз с другими городами или подчиниться другому городу, но тем не менее он оставался важнейшей единицей политической структуры. Империя представляла собой мозаику, состоявшую из городов.

Существование и состояние империи, безусловно, оказывало огромное влияние на правящий город и образ жизни в нем. Либо в виде дани, либо посредством торговли все, что производилось в провинциях, попадало в Мехико, особенно тропические товары, до этого неизвестные на центральном плато, такие, как хлопок, какао, шкуры, разноцветные перья, бирюза и, наконец, золото. Поэтому в Теночтитлане и могла появиться роскошь: роскошь в одежде и украшениях, роскошь в еде, роскошь в домах и в обстановке – роскошь, в основе которой лежало огромное количество разнообразных товаров, которые не переставали стекаться в столицу со всех уголков конфедерации.

С другой стороны, в империи, сложившейся таким образом, когда некоторые из входящих в нее членов (Оашака, например) только недавно стали ими, было далеко не все спокойно. Всегда находился город, который пытался вернуть себе былую независимость, отказываясь платить дань и жестоко расправляясь с кальпишки и его людьми. После этого туда обычно посылались карательная экспедиция с целью восстановить порядок и наказать мятежников. Все больше и больше житель Мехико переставал быть, как раньше, крестьянином-воином и становился профессиональным бойцом, постоянно находившимся на поле боя.

Огромная империя, казавшаяся еще обширнее потому, что каждое перемещение по ней было путешествием пешком по труднодоступной местности, была похожа на гобелен Пенелопы, всегда незаконченный, всегда нуждающийся в работе. Поэтому мексиканец, и так от природы воинственный, редко откладывал в сторону свое оружие. На огромных пространствах император либо вынужден был бесконечно продлевать военные кампании, либо содержать постоянные гарнизоны в отдаленных местах. Такое положение дел оставило далеко позади первобытное племя мексиканцев, в котором каждый взрослый регулярно покидал военную службу и возвращался к обработке своей земли, оставляя свой меч ради коа (орудие труда, напоминающее лопату, для вспашки земли. – Авт.). Так возникла тенденция относить к главным занятиям ацтеков ведение войны, а все остальные обязаны были работать на них.

Наконец, в эту империю входило много племен другого происхождения, которые говорили на совершенно других языках: верно, что в центральных провинциях проживало население, говорившее на языке нахуа, но уже жившие рядом с ними отомы говорили на своем непонятном языке и поклонялись своим древним богам: солнцу, ветру и земле. И в то же время именно отомы составляли основную часть населения Куауакана, Шилотепека, Уэйпочтла и Атокпана. На северо-востоке и на востоке проживали уаштеки в Ошитипане, тотонаки в Точпане и Тлапакойане и масатеки в Точтепеке. На юго-востоке обитали миштеки в Йоальтепеке и Тлачкиауко и сапотеки в Койолапане. В пограничной стране Шоконочко на юге жили майя, а на юго-западе – тлаппанеки в Киаутеопане и куйтлатеки и койшка в Киуатлане и Тепекуакуилько. Наконец, на западе находились племена масахуа и матлалцинки в Шокотитлане, Толокане, Окуйлане и Тлачко. Неизбежно обычаи и верования этих отличающихся друг от друга племен оказывали влияние на обычаи и верования племени, стоящего у власти. В те времена, о которых идет речь, мексиканцы уже переняли у жителей тропиков орнаменты из перьев, у майя из Цинакантлана – янтарные украшения, прикрепляемые к нижней губе, у тотонаков – пеструю, расшитую одежду, у миштеков – золотые украшения, а также богиню плотской любви уаштеков и праздник Атамалькуалицли, справляемый масатеками раз в восемь лет в честь планеты Венеры. Их религия была открыта, пантеон богов – восприимчив к появлению новых богов: все маленькие местные божки аграрных племен, как, например, Тепоцтекатель, сельский бог урожая и крепких напитков, которому поклонялись в Тепоцотлане, легко попадали в него. В действительности некоторые обряды сопровождались песнопениями на языках других народов.

Таким образом, в тот период времени, когда испанцы вмешались в установившийся ход событий, происходило историческое и социальное развитие,

вследствие которого мексиканцы превратились из простых кочующих земледельцев в правящий народ, имеющий свой город-государство и главенствующий над многими другими землями и народами.

Старый племенной уклад общества сильно изменился с появлением класса торговцев, которые начали пользоваться существенными привилегиями, а также с ростом царской власти. Официальная мораль превозносила скромность былых времен так же тщетно, как это было в последние дни Римской республики, и законы, регулирующие расходы, тщетно боролись с показной роскошью.

Однако на окраинах богатых и великолепных городов крестьянин – нахуатль, отоми, сапотек и др. – продолжал незаметно и терпеливо вести свою жизнь, полную тяжелого труда. Нам о нем почти ничего неизвестно, об этом масеуалли, чей труд кормил горожан. Иногда можно увидеть его скульптурное изображение, где он одет только в набедренную повязку, так как расшитые плащи были ему недоступны. Ни для своего, ни для испанского историка не представлял интереса ни он сам, ни его хижина с маисовым полем и индейками, ни его маленькая моногамная семья, ни его узкий кругозор. Они упоминали о нем лишь походя, между описаниями жизни ацтеков и исторических событий. Но очень важно здесь сказать о нем, хотя бы для того, чтобы почувствовалось его молчаливое присутствие в тени великолепия городской культуры, тем более что после бедствия 1521 года и полного упадка всякой власти, всех идей, всей структуры общества и религии один он выжил и продолжает жить.

Глава 1. Город

Происхождение и местонахождение

Есть некоторая загадка в самом названии города, так как двойное название его Мехико-Теночтитлан объяснить нелегко. Этимология названия «Теночтитлан» прозрачна: это место, где растет теночтли, опунция (род кактуса) с твердыми плодами. Но каково значение слова «Мехико»? Некоторые, как Бейер, ищут ответ в остальных элементах этого символа, то есть в сидящем на кактусе орле,

который держит в своем клюве змею. Для них этот орел является символом Мешитл, или Уицилопочтли, великого национального божества. Другие не согласны с такой этимологией и, опираясь на авторитет отца Антонио дель Ринкона, находят в названии города корень «мецтли», означающий «луна», и корень «шиктли», что значит «пуп, центр». Мехико, согласно их теории, означает «город посредине озера луны», а старое название этой лагуны было Мецтлипан, озеро луны. Похоже, что такое толкование подтверждается тем фактом, что соседи мексиканцев, отоми, называли город двойным именем «анбондо амедецана»: в настоящее время словом «бондо» отоми называют опунцию, а «амедецана» означает «в середине луны».

Что касается орла, сидящего на кактусе и пожирающего змею, то герб современной Республики Мексика представляет собой не что иное, как точную копию символа, который изображал столицу ацтеков. Мы снова находим его уже в других местах, в «Кодексе 1576 года», где он предстает перед нами в окружении тростника и тростниковых хижин. В «Кодексе Мендоса» нам опять встречается кактус и орел, но уже без змеи, с надписью «Теночтитлан». Всякий раз эта картинка вызывает в памяти происхождение города, удивительное, но очень скромное: ведь даже в зените своей славы мексиканцы никогда не забывали, что их город был заложен на болоте небольшим, всеми презираемым племенем.

В одном из передаваемых из поколения в поколение сказаний рассказывается о том, как старики впервые обнаружили «в гуще камыша, в гуще тростника» те растения и животных, существование которых предсказал бог Уицилопочтли: белую иву, белую лягушку и белую рыбу (согласно преданию, мексиканцы пришли из мифического места, острова посреди озера, чье название «Ацтлан» – откуда и пошло слово «ацтеки» – несет в себе значение «белый». – Авт.). «И когда они увидели их, старики зарыдали и сказали: «Значит, быть ему (нашему городу) здесь, раз мы увидели все то, о чем нам говорил Уицилопочтли». Но на следующую ночь бог призвал жреца Куаукоатля (Орла-Змея) и сказал ему: «О Куаукоатль, ты все видел там, в тростниковых зарослях, и дивился этому. Но послушай: есть еще кое-что, чего ты еще не видел. Поэтому пойдешь и разыщи кактус теночтли, на котором сидит торжествующий орел... Там мы и поселимся, там мы и будем править, и будем ждать, и встретим различные племена, и при помощи наших стрел и щитов мы победим их. Там будет стоять наш город Мехико-Теночтитлан; там, где кричит орел, и простирает свои крылья, и пожирает змею, там, где плавают рыба, – там будет Мехико-Теночтитлан; и там осуществится многое».

Куаукоатль немедленно созвал всех мексиканцев и передал им слова бога. И они, следуя за ним, проложили себе путь через болота среди водяных растений и тростниковых зарослей. Вдруг «рядом с пещерой они увидели орла, сидящего на кактусе и радостно вкушающего пищу... И бог, воззвав к ним, сказал: «О мексиканцы, это место здесь». И они зарыдали, вопя: «Наконец, мы стали достойны (нашего бога); мы заслужили (награду); с изумлением мы увидели этот знак: здесь будет наш город». Это произошло в год оме акатль, во второй год Камыша, в 1325 году н. э.

В «Кодексе Ацкатитлана» начало жизни мексиканцев в Теночтитлане символически изображает картина, на которой одни индейцы, находясь в лодках, ловят рыбу при помощи лесы и крючков или сетями, в то время как другие индейцы при помощи палок гонят рыбу в сети; вокруг них видны водоплавающие птицы и заросли тростника. Такова на самом деле, вероятно, и была жизнь мексиканцев в те времена. Она ничем не отличалась от жизни небольших прибрежных племен, живших вне городов, которые посвящали большую часть своего времени ловле рыбы и пернатой дичи. Их называли атлака чичимека, живущими на озере дикарями. На вооружении у них были сети и атлатль, копьеметалка, которая и по сей день используется в охоте на пернатую дичь. У них были свои боги: Атлауа, «тот, кто несет атлатль», Амимитль (от слова «митль» – стрела и «атль» – вода) и Опчтли, «левша», «тот, кто бросает дротики левой рукой». Эти боги были известны в Мексике еще с древних времен.

В глазах городских жителей Кольуакана, Ацкапотсалько или Тецкоко мексиканцы выглядели ничуть не лучше, чем другие «живущие на озере дикари». Они пришли к племенам, живущим в городах на твердой земле, когда им потребовались бревна, доски и камни для строительства своего города, и они заплатили им рыбой и живущими в воде животными. «Плохонький, жалкий построили они дом для Уицилопчтли. Храм, который они возвели для него, был очень мал, ведь, живя на чужой земле среди камыша и тростника, где они могли найти камень или древесину? Мексиканцы собрались и сказали: «Давайте купим камень и древесину в обмен на то, что живет в воде: рыбу, ашолотль, лягушек, раков, аненецтли, водяных змей, озерных червей, уток, куачилли, лебедей и других птиц, которые живут на воде. Их мы обменяем на камень и древесину». В начале XVI века в память об этом времени раз в году в месяце Эцалкуалицтли устраивался праздник. Жрецы шли к озеру и совершали церемониальное купание, и один из них, чальчиукуакуилли (буквально: «жрец драгоценного камня», то есть жрец воды) произносил ритуальные слова: «Это место змеиного гнева, жужжания moskitov, полета дикой утки, шепота белого тростника». При этих словах все прыгали в воду, шлепая руками и ногами и подражая крикам

живущих на воде птиц. «Одни кричали как утки, другие подражали цаплям, ибисам или белым цаплям». Этот ритуал повторялся четыре дня подряд.

Есть основания полагать, что то место, где Куаукоатль и его спутники увидели орла со змеей, было тем самым местом, на котором в XVI веке поднимется храм бога Уицилопочтли, то есть несколько к северо-востоку от современного собора на расстоянии около 330 ярдов в этом же направлении от середины большой площади, которая сейчас называется Сокало. Все предания одинаково утверждают, что первый храм, который представлял собой не более чем молельню, айаукалли, был построен точно на этом месте. Сменяющие друг друга правители ничего не жалели для того, чтобы построить для Уицилопочтли храм достойный его, но постройки, пирамиды и святыни каждого последующего царствования всегда поднимались на одном и том же месте, на одной и той же священной земле, на которую указал сам бог. Дворцы императоров строились вокруг этого религиозного центра всего народа, отсюда же расходились в разные стороны направления, по которым шел рост города. Мексиканский город – это прежде всего храм. Символ, означающий «падение города», представляет собой условный храм, полуразрушенный и горящий. Само существование города, народа и государства сконцентрировано в этом теокалли, что в переводе с языка ацтеков буквально означает «дом бога».

Изначально центр Мехико располагался на твердой и даже каменистой почве: храм был построен «у пещеры», оцтотемпа. В действительности это выступающая часть (вершина) острова, расположенного посреди болота в широком заливе озера. Вокруг Теночтитлана берег озера широко изгибался, и эта огромная дуга была усеяна городками и деревнями: Ацкапотсалько и Тлакопан располагались на западе, Койоакан – на юге, Тепейакак – на севере. Огромное соленое озеро Тецкоко простиралось на восток, а на юге были пресноводные озера Шочимилько и Чалько. Другие острова и островки поднимались над поверхностью вод залива вокруг Теночтитлана, особенно остров, который сначала получил название Шальтелолько (куча песка), а затем Тлателолько (куча земли). Он находился непосредственно к северу от места расположения храма Уицилопочтли. Узкий озерный залив отделял остров Тлателолько от острова Теночтитлан, через который впоследствии был перекинут мост.

Для первых поколений мексиканцев это был, вероятно, колоссальный труд – приспособить для жизни целую сеть островков, наносных песчаных и иловых отмелей, глубоких и мелководных болот. Ацтеки, будучи народом,

проживающим на суше и на воде, в окружении воды вынуждены были создавать себе сушу, насыпая ил на сделанные из камыша плоты. Им приходилось копать каналы, сооружать набережные, дамбы и мосты. С ростом населения возникли, как теперь говорят, городские проблемы, и решать их становилось все труднее и труднее.

Сам факт того, что огромный город был заложен в таких условиях и получил возможность расти, будучи созданным людьми, не имевшими своей земли, является доказательством их поистине удивительной изобретательности и поразительного упорства. Гордость, с которой они потом к нему относились, была оправданна. Ведь как далеко находилась жалкая деревушка из соломенных хижин, спрятавшаяся среди тростников, от великолепной столицы XVI века! Едва ли будет удивительным тот факт, что чудесная судьба так сильно вознесла ацтеков и превратила их из бедного, обособленно живущего народа в самый процветающий и могущественный.

Протяженность и население

Во время испанского завоевания город Мехико охватывал и Теночтитлан и Тлателолько. Этот «Большой Мехико» возник недавно. Население Тлателолько являлось родственной ветвью племени мексиканцев; они основали свой собственный город в годы правления династии, которая вышла из города Ацкапотсалько, расцветшего на войнах и торговле. Но мексиканские правители не могли долго терпеть наличие города-соперника, соперника и родственника, находившегося от них не далее полета стрелы. Жители Тлателолько сами дали повод для ссоры: их правитель Мокиуицтли, который был женат на сестре императора Ашайакатля, неуважительно обращался со своей супругой. Это был амбициозный, не знающий покоя человек, который прилагал усилия к тому, чтобы объединиться с другими городами долины против Мехико. Отношения достигли такой остроты, что разразилась война. В 1473 году ацтеки вторглись в Тлателолько и овладели большим храмом. Мокиуицтли, сброшенный с вершины пирамиды, разбился насмерть. С того времени Тлателолько потерял свою индивидуальность и, по приказу правителя, стал частью столицы.

Вследствие этого город протянулся на юг, начиная от северных границ Тлателолько, расположенного напротив прибрежной деревушки Тепейак, и до

болот, которые постепенно сливались с озером. Южная граница городской территории очерчивалась рядом населенных районов: Тольтенко («на краю тростниковых зарослей»), Акатлан («место, где растет тростник»), Шиуитонко («низина»), Атисапан («белесая вода»), Тепетитлан («рядом с холмом») и Аманалько («лужа»). На западе город заканчивался приблизительно у черты современной Калье-Букарели, у Атлампы («край воды») и Чичимекапана («река чичимеков»). На востоке он тянулся до Атлицко («на поверхности воды»), где начинались воды озера Тецкоко. Все это образование имело форму квадрата со стороной приблизительно 3200 ярдов, площадь которого составляла примерно 2500 акров. Ради сравнения стоит вспомнить, что Рим в пределах стены Аврелия имел площадь 3423 акра. Благодаря труду в течение двух столетий все это пространство превратилось в геометрически правильную сеть каналов и насыпных земляных укреплений, сооруженных вокруг двух главных центров: великого храма и площади Теночтитлана и великого храма и площади Тлателолько, а также около нескольких второстепенных центров, различных районов или кварталов.

Мало найдется вопросов столь же неясных, как этот момент с кварталами Мехико. Можно принять за установленный факт, что единица под названием кальпулли («группа домов») или чинанкалли («дом, окруженный изгородью») лежала в основе общества ацтеков, и поэтому она выделялась при территориальном делении как зримое отражение этого общества в плане земельных владений. Испанские авторы хроник обычно переводили это как barrio[2 - Квартал (исп.)]; современные американские авторы используют слово «клан». На мой взгляд, бывалые испанцы разбирались в реалиях лучше, чем современные археологи. Слово «клан» наводит на мысль о различных законах о браке, о родословной и потомках или даже на мысль о тотеме и представляется мне менее подходящим к данной ситуации, чем слово «квартал», которое обозначает территориальное подразделение. Кальпулли был прежде всего территорией, общей собственностью определенного числа семей, которые делили ее промеж себя, чтобы пользоваться ею в соответствии с законами, которые будут рассмотрены позже. На этой территории существовали элементы автономного управления под руководством кальпуллека, ее избранного главы; имелся собственный храм.

Возможно, кальпулли оставался важнейшим ядром племени во время его переселения и вплоть до основания города. Сколько их было тогда? Нам известны названия первых семи кальпулли, однако нельзя утверждать, что их не было больше. Тесосомок предлагает список из пятнадцати названий, соответствующих тому времени, когда ацтеки были на пути к Туле, то есть в

конце XII века. Может быть, их было двадцать в начале становления города, но это не доказывает, что их число не могло увеличиться в период между XIV и XVI веками. Во всяком случае, следует добавить кальпулли города Тлателолько после его присоединения к столице. Нам известны семь из них, которые являлись кварталами торговцев, но разумно предположить, что были и другие. И наконец, существовали кварталы, как, например, Амантлан, в которых проживали мастера по складыванию мозаики из перьев и которые, видимо, были включены в городскую территорию сравнительно недавно. Как бы оно ни было, план Мехико, составленный ученым Альсате в 1789 году, показывает не менее 69 названных районов в Теночтитлане и Тлателолько. Нельзя утверждать, что все эти районы соответствовали такому же числу кальпулли, но известно, что со многими дело обстояло именно так.

Спустя некоторое время после основания Мехико помимо этого было введено новое деление. Предания приписывают его самому Уицилопочтли. Весь город был поделен на четыре части относительно великого храма: на севере находился Куэпопан («место, где цветут цветы»); на востоке – Теопан («квартал бога», то есть «квартал храма»); на юге – Мойотлан («место, где живут москиты») – это было особенно подходящее название, так как именно там каналы и улицы упирались в болота, которые в колониальные времена назвались Съенага-де-Сан-Антонио-Абад и Съенага-де-ла-Пьедад; и на западе располагался Ацтакалько («рядом с домом цапель»). Это деление на четыре большие части стало частью повседневной жизни, испанцы сохраняли его в течение всего колониального периода, дав только этим четырем районам христианские названия: Санта-Мария-ла-Редонда (Куэпопан), Сан-Пабло (Теопан), Сан-Хуан (Мойотлан) и Сан-Себастьян (Ацтакалько).

Ясно, что это деление на четыре части, приписываемое главному богу племени, носило, в первую очередь, административный и государственный характер. Это была контролирующая система, наложенная на многочисленные кальпулли, старые и новые: каждый из этих огромных районов имел свой собственный храм и военачальника, назначенного центральной властью. Этим новый район существенно отличался от кальпулли, глава которого был выборным. Более того, этот новый район не имел земельных владений.

Таким образом, вся городская территория была распланирована около главных и второстепенных центров: кальпулли, каждый со своим храмом и своим тельпочкалли («дом юношей», нечто вроде религиозно-военной школы); четыре района с их храмами и, наконец, огромные теокалли Теночтитлана и

Тлателолько, дворцы императоров и государственные здания.

Каково было городское население? До нас не дошли результаты переписи населения, хотя императоры ацтеков имели возможность знать, по крайней мере, число семей, проживающих в Мехико. По подсчетам завоевателей, число домашних хозяйств или населенных домов варьировало от 60 до 120 тыс. Остается решить, сколько в среднем человек входило в одно хозяйство. Семьи были большими, и правящий класс придерживался полигамных браков. Торквемада допускает, что одно хозяйство объединяло в себе от четырех до десяти членов, и если следовать этому, то в каждом доме проживало в среднем семь человек. Но эта цифра, вероятно, занижена, так как у многих мексиканцев были слуги, чье подчиненное положение мы неточно называем словом «рабы». Я допускаю, что моя цифра произвольна, и глубоко об этом сожалею, но, так как более точной нет, можно принять на веру, что Теночтитлан-Тлателолько насчитывал от 80 до 100 тыс. хозяйств по семь человек в каждом, или все население составляло 560-700 тыс. душ. Будем считать, что население было, несомненно, более полумиллиона человек и, вероятно, меньше миллиона.

Конечно, здесь речь идет только о самой столице. Но факт остается фактом: в рассматриваемый период многие небольшие города и деревни, расположенные на твердой земле, были не более чем городами-спутниками столицы. Даже когда они сохраняли у себя внешние формы самоуправления, как в Тлакопане, реально они занимали зависимое от столицы положение. Так обстояло дело с Ацкапотсалько, Чапультепеком, Койоаканом, Уицилопочко, Ицтапалапаном, Кольуаканом, Мешикальцинко, Ицтакалько и другими, то есть практически всеми населенными пунктами, входящими сейчас в Федеральный округ Республики Мексика.

Это были богатые пригороды, как отмечали испанцы, когда пришли сюда. Кортес делает наблюдение, что города на берегу озера уходят в само озеро, что, видимо, означает, что численность населения растет, и, чтобы обеспечить себя территорией для проживания, люди приращивают ее к суше, как это делали в Теночтитлане. Поэтому это был огромный город с пригородами, который, раскинувшись на берегу, теперь вгрызался в озеро, огромная городская территория, охватывавшая более чем миллион человек.

Общий вид. Дороги и движение по ним

По словам Берналя Диаса, конкистадоры «увидели вещи дотоле невиданные, которые не могли даже присниться»: все очевидцы сходятся в том, что город блистал поразительным великолепием. Даже Кортес, отличавшийся от всех холодной расчетливостью, не стесняясь, хвалит красоту зданий. Он особенно отмечает сады, иногда окруженные насыпью, иногда расположенные на уровне суши. Он сообщает о широких, прямых улицах и о движении лодок по каналам рядом с ними, об акведуке, несущем пресную воду в город, о размерах и оживленности рынков.

Гордый идалго в своих письмах к Карлу V доходит до того, что пишет: «Индейцы живут почти так, как мы в Испании, подчиняясь порядку». Он добавляет: «Удивительно видеть, как разумно они подходят к выполнению любого дела».

12 ноября 1519 года, спустя четыре дня после вступления в Мехико, Кортес и его главные военачальники пошли осматривать рынок и великий храм Тлателолько вместе с императором Монтесумой II. Они поднялись вверх по 114 ступеням теокалли и встали на платформу на вершине пирамиды, расположенной перед святыней. Монтесума взял Кортеса за руку «и попросил его взглянуть на огромный город и другие близлежащие города на озере и на множество деревень, построенных на суше... Этот огромный отвратительный храм был так высок, что с его вершины все было отлично видно. Оттуда мы увидели три насыпные дороги, ведущие в Мехико: дорога, соединяющая его с Ицтапалапаном, по которой мы пришли четыремя днями ранее, с Тлакопаном, по которой позднее нам было суждено бежать в ночь нашего великого поражения... и с Тепейакаком. Мы увидели акведук, который тянется из Чапультепека и снабжает город пресной водой, а через определенные промежутки на трех насыпных дорогах – мосты, которые позволяют воде течь из одной части озера в другую. На огромном озере мы увидели множество лодок. Некоторые из них везли в город продукты, некоторые уплывали, нагруженные товарами... В этих городах мы увидели храмы и молельни в форме сияющих белых башен и бастионов, удивительное зрелище. Мы увидели ступенчатые дома, а вдоль насыпных дорог – другие башни и часовни, которые выглядели как крепости. Итак, полюбовавшись на все это и поразмыслив над увиденным, мы обратили наши взоры на огромную рыночную площадь и на толпу людей на ней, которые что-то покупали и продавали. Глухой неясный шум их голосов можно было услышать на расстоянии больше лиги. А среди нас были солдаты, которые уже побывали во многих уголках света, в Константинополе, в Италии и в Риме; и они

сказали, что никогда еще не видели такого хорошо организованного и большого рынка, заполненного такой большой толпой людей».

Все свидетели говорят об одном и том же впечатлении: очень высокие башни, поднимающиеся повсюду над белыми домами с плоскими крышами; организованную деятельность множества людей, как в муравейнике; постоянное прибытие и отплытие лодок по озеру и каналам. Большинство домов были в один этаж – низкие, с плоскими крышами. И действительно, только знатным вельможам позволялось иметь в доме два этажа. В любом случае, очевидно, что зданиям, возведенным на сваях в оседающей почве, грозила опасность обрушиться, как только они превысят заданный вес, за исключением тех сравнительно редких случаев, когда дом построен на более твердой почве большого или маленького острова.

Большинство домов с фасадами без окон, скрывавшими от посторонних глаз частную жизнь, которая проходила во внутреннем дворике, вероятно, были похожи на дома какого-нибудь арабского городка, за исключением того, что они были построены вдоль прямых дорог и каналов. В пригородах еще, вероятно, можно было найти простые хижины, стены которых, как в давние времена, были сделаны из тростника и глины, а крыши крыты соломой и травой. Но с другой стороны, с приближением к великому теокалли и дворцам императоров дома становились все более великолепными и роскошными. Там были дворцы высших чиновников и дворцы, которые провинциальные сановники вынуждены были содержать в столице, а также официальные постройки, такие, как Дом Орлов, нечто вроде военного клуба, калъмекак, или высшие школы, тлакочкалли, или арсеналы.

Во всем этом не было однообразия. Там и сям среди плотно прилегающих одна к другой крыш возвышалась пирамида местного храма; на некоторых улицах располагались лавки ювелиров или мастеров украшений из перьев, на других – встречались склады торговцев. И хотя свободного места, кроме огромных площадей, было мало, Мехико был не лишен зелени: в каждом доме был свой собственный внутренний дворик, а ацтеки всегда отличались страстью к цветам. Были также сады вокруг хижин, расположенных в пригороде, где росли и цветы, и овощи, которые иногда располагались на плавающих чинампас; а плоские крыши дворцов вельмож были увенчаны зеленью.

«Главные улицы, – пишет Кортес, – очень широкие и прямые. Некоторые из них и все улицы поменьше наполовину пешеходные, тогда как другая половина

представляет собой канал, по которому индейцы плавают на лодках. И все эти улицы от одного конца города и до другого сообщаются таким образом, что вода может полностью пересекать их. Все эти протоки – а некоторые из них довольно широки – перекрыты мостами, сделанными из очень прочных и хорошо подогнанных балок, так что через многие мосты могут проехать в ряд десять всадников».

Это описание подтверждает другой свидетель: половину каждой улицы составляло покрытие из утопанной земли, вроде кирпичной мостовой, а другую занимал канал. Он добавляет: «Также есть большие улицы, на которых – только вода, и больше ничего, ими пользуются только лодки и баржи, согласно обычаям этой страны; без них невозможно было бы ни передвигаться по улицам, ни выйти из дома». Он рассказывает о людях, «которые разговаривают, гуляя, при этом одни идут по суше, а другие передвигаются по воде». Вся эта сеть улиц была изрезана деревянными мостами, которые при необходимости могли быть убраны, в чем убедились испанцы на собственном опыте, когда ацтеки вытесняли их из города.

На всем своем протяжении до самого центра (ко дворцу Монтесумы можно было приплыть по воде) Мехико был городом озерных жителей и соединялся с берегом тремя насыпными дорогами, о которых упоминают Кортес и Диас. Северная дорога, начинаясь от Тлателолько, достигала суши в Тепейаке, у подножия гор, где раньше располагалось святилище Тонанцин, богини-матери, «нашей высокочтимой матери», и где в настоящее время находится храм Девы Марии Гваделупской. Западная дорога связывала Теночтитлан с городом-спутником Тлакопаном. Третья, ведшая на юг, – раздваивалась: юго-западная ветвь заканчивалась в Койоакане, а восточная – в Ицтапалапане. В месте их слияния стоял двубашенный редут, окруженный высокой стеной, в которой имелись двое ворот; он держал под обстрелом все подступы. Видимо, только южная насыпная дорога была укреплена таким образом, так как именно с этой стороны армия Уэшоцинко, непокоренного города, расположенного по другую сторону вулканов, могла однажды совершить нападение.

Эти насыпные дороги были одновременно и дамбами; небольшая глубина озера сделала их сооружение сравнительно легким: строительство начиналось с двух параллельных рядов свай, а затем пространство между ними заполнялось камнями и утрамбованной землей. Местами в дамбе были оставлены промежутки (разрывы), по которым под деревянными мостами текла вода: в озере временами возникали довольно сильные течения, и было бы опасным сдерживать их.

Дороги, которые таким образом проходили по верхней части дамбы, были достаточно широки, по словам Кортеса, чтобы вместить восемь всадников в ряд. Та, что вела из Ицтапалапана в Мехико, имела в длину около пяти миль и, по словам Берналя Диаса, была «прямой, совсем без изгибов».

Насыпные дороги обозначали основные направления, по которым развивался город от своего первоначального центра. Одна ось проходила с севера на юг вдоль линии Тепейак – Тлателолько – великий храм Теночтитлана – Койоакан, а другая – с запада на восток, из Тлакопана до центра Теночтитлана. На востоке развитие города останавливали воды озера, и нужно было по нему плыть до Тецкоко, чтобы оттуда начать путешествие в глубь территории к загадочным «жарким странам», которые всегда пленяли индейцев с высокогорной центральной равнины.

Общественные здания, площади и торговые ряды

Безусловно, карты Мехико существовали и до Кортеса. Невозможно поверить, чтобы администрация ацтеков, чьи писцы постоянно вели земельные реестры и налоговые отчеты, пренебрегла бы самой столицей. Кроме того, известно, что первой обязанностью каждого калъпуллека было хранить и, если необходимо, обновлять «картинки», которые изображали его район и деление района между семьями.

К сожалению, ни один из этих документов не сохранился. Мексиканский национальный музей антропологии и истории имеет, правда, один ценный фрагмент, «карту на бумаге из агавы», которая, несомненно, появилась чуть позже времени завоевания. Сохранившийся кусочек изображает всего лишь небольшую часть города к востоку от Тлателолько. Однако даже в таком виде этот план дает хорошее представление о структуре районов, равные участки которых разграничены каналами, улицами и главными транспортными артериями. Я здесь упоминаю неуклюжий план, приписываемый Кортесу, ради полноты картины: он почти совершенно бесполезен с его детским приукрашиванием и маленькими картинками, на которых в деревушках вокруг города изображены башни на европейский манер.

Более того, так как постройки Теночтитлана стали жертвами систематического вандализма, почти не имеющего аналогов в истории, как во время осады, так и сразу же после капитуляции императора Куаутемоцина, представляется чрезвычайно трудным определить, где именно находились незастроенные пространства, или описать окружающие их здания. Можно только основываться на более или менее точных записях летописцев и на результатах того объема археологических раскопок, который был возможен в сердце современного города. Хотя с этим можно и не согласиться и восстанавливать основные черты общественных зданий Мехико по образчикам ацтекской архитектуры за пределами столицы, которые захватчики не тронули, особенно пирамиду Тенайука.

Центральная площадь Теночтитлана, видимо, совпадает почти полностью с современной Сокало города Мехико. Это был прямоугольник приблизительно 175 на 200 ярдов, более короткие стороны которого были обращены на север и юг. С севера его ограничивала часть огороженной территории, прилегающей к большому храму, над которой в то время возвышалась пирамида одного из храмов солнца. Южная сторона граничила с каналом, тянувшимся с востока на запад; с восточной стороны располагались, вероятно, двухэтажные дома высоких вельмож, а с западной – фасад императорского дворца Монтесумы II, который стоял на том месте, где в настоящее время находится дворец президента республики. Дворец, который когда-то принадлежал Ашайакатлю (1469-1481) и в котором останавливались испанцы во время их первого посещения Мехико, стоял к северу от домов вельмож, и его западный фасад выходил на территорию великого храма. До этой площади можно было добраться по каналу, который уже упоминался, по насыпной дороге из Ицтапалапана, которая проходила вдоль стены дворца Монтесумы и заканчивалась у южных ворот храма, или по различным маленьким улицам. Насыпная дорога из Тлакопана почти совпадала с современной Калье-Такуба и, ведя вдоль стены дворца Ашайакатля, выходила к храму с западной стороны.

Грунт современной Сокало, равно как и фундаменты зданий, которые ее окружают, буквально нашпигованы остатками ацтекских скульптур, статуй и кусками разбитых памятников и барельефов. Появилась возможность откопать некоторые из них, особенно камень Тисока, знаменитый ацтекский календарь и теокалли священной войны. Другие, чье местонахождение известно, еще ждут своей очереди; и все же многие, без сомнения, потеряны навсегда. Хотя ее несколько портят магазины и коммерческие здания, эта огромная центральная площадь с ее собором и президентским дворцом великолепна в наши дни. Но какое необыкновенное воздействие она, вероятно, оказывала на зрителя в

Теночтитлане времен Монтесумы! Государство и религия слились в своих наивысших проявлениях в одном этом месте и производили глубокое впечатление своим величием: белые фасады дворцов, их висячие сады, пестрые толпы, постоянно выходящие и входящие через огромные ворота, зубчатая стена теокалли и стоящие в отдалении одна позади другой, словно свита неподвижных гигантов, пирамиды богов, увенчанные своими многоцветными святилищами, где между знаменами из драгоценных перьев курились облака ладана. Уходящие ввысь храмы и медлительное спокойствие дворцов сходились в этом месте словно для того, чтобы объединить и надежды людей, и божественное провидение в сохранении установленного порядка.

Одной из первейших обязанностей правителя с самого возникновения города была «защита храма Уицилопочтли». Именно эта задача была возложена на второго императора Уицилиутля (1395-1414) и Иццоатля, истинного основателя власти ацтеков.

Видимо, третий правитель, Чимальпопока, пожелал расширить храм. И наверное, слабость города и его собственная несчастливая судьба позволили ему сделать это (Чимальпока, «дымящийся щит», правил с 1414-го по 1428 год в городе, который все еще находился в зависимости от Ацкапотсалько; он был убит по приказу правителя Ацкапотсалько. – Авт.), если он все же начал строительство. Но первые по-настоящему серьезные работы были предприняты во время правления Монтесумы I Ильуйкамина. У этого императора возникла идея пригласить соседние города поучаствовать в этом предприятии, и, более или менее добровольно, Кольуакан, Куитлауак, Койоакан, Мишчик и Шочимилько согласились предоставить необходимые материалы, в особенности камень и известь. Жители Чалько, однако, отказались оказать помощь, и это была одна из причин длительной войны, которая закончилась их поражением.

Работа продолжалась два года. Храм был построен на пирамиде, к вершине которой вели три лестницы: главная шла по южной стороне, две другие – по восточной и западной. В сумме количество ступеней составляло цифру 360, что равнялось количеству дней в году, при этом не повезло пяти дням: их отбросили, – то есть в каждом лестничном марше было по 120 ступеней. Церемония открытия здания состоялась в 1455 году после победы Монтесумы I над уаштеками, и пленники-уаштеки были первыми жертвами, принесенными в этом храме.

Во всяком случае, такова была традиция. Но может возникнуть вопрос: не относит ли это храм к более раннему периоду, чем позволяют считать факты? Ведь если на самом деле здание уже поднялось в полный рост во времена Монтесумы I, трудно понять, какие работы могли быть выполнены при последующих правителях. Есть все основания полагать, что теокалли Уицилопочтли был построен в несколько последовательных этапов, как большинство мексиканских пирамид. Точно так же очень вероятно, что храм, поскольку он был перестроен при Монтесуме Ильуикамина, был не такой большой, каким он станет позднее.

Ашайакатль внес свой вклад в оснащение той постройки, которую оставил ему его предшественник: он установил огромный жертвенный камень, куаутемалакатль («каменный диск орлов»), который, говорят, был доставлен из Койоакана 50 тысячами человек при помощи веревок и катков. Но именно в годы правления Тисока и Ауйцотля огромный теокалли был закончен и принял тот вид, в котором его впервые увидели европейцы.

В Национальном музее Мехико находится скульптурная стела, увековечившая открытие храма. Она изображает двух императоров, чьи имена написаны иероглифами, и стоит дата: чикуй акатль, «восьмой год Камыша», или 1487 год по нашему летоисчислению. Тисок, который, очевидно, начал новые работы, уже год как умер.

В «Кодексе Теллериано-Ременсис» мы видим, что это предприятие проходило в два этапа. В годы правления Тисока, в науй акатль, то есть «четвертый год Камыша», или в 1483 году, «был заложен первый камень великого храма, который нашли христиане, когда впервые пришли в эту страну». На картине, изображающей следующий год, макуилли текпатль, символ, который обозначает год, связан одной линией с рисунком пирамиды, составленной из четырех элементов и возвышающейся на четырехугольном основании, две лестницы которой залиты кровью; кактус, символ Теночтитлана, стоит на самой верхушке платформы. Подстрочник на испанском языке гласит: «Деревня Цинакантепек восстала против своих владык – мексиканцев. Они напали на нее и устроили такую резню, что едва ли там осталась одна живая душа, так как всех пленников отвезли в Мехико, чтобы принести там в жертву в великом храме, который в то время был еще не закончен».

Символ чикуй акатля, «восьмого года Камыша», или 1487 года, соединен с храмом, но на этот раз это, без сомнения, уже законченный храм с двумя

святилищами, стоящими бок о бок наверху пирамиды: на одном крыша и вход обозначены красным цветом, на другом – синим. Значение этих деталей станет понятным позже. Линия соединяет храм с тлекуауитлем, факелом; из него исходят дым и пламя, которые символизируют новый ритуальный огонь, зажженный в честь открытия этой святыни. Другая линия ведет от факела к символу Теночтитлана, и такая последовательность картинок может, таким образом, означать: «В восьмой год Камыша был торжественно открыт (двойной) теокалли Теночтитлана». Рядом с этими картинками находится фигурка человека, закутанного в расшитый плащ. Он изображен сидящим на некоем подобии стула со спинкой, королевском икпалли, а над ним имеется символ, означающий сказочное водяное существо, обитающее в озере, ауицотль: этот человек – император, носящий точно такое же имя. И наконец, под изображением храма и вокруг него нарисованы воины с белыми перьями на головах, а еще ниже – ритуальные изображения человеческих жертвоприношений, а также названия городов, откуда прибыли эти жертвы: Шиукоак, Куэтлацтлан и Цапотлан. Ниже воинов нарисован значок шикипилли (8 тыс.) дважды и значок сенцонтли (400) десять раз, что вместе составляет 20 тыс. Эти рисунки можно интерпретировать так: «По этому случаю Ауицотль приказал принести в жертву 20 тыс. воинов, которые прибыли из Шиукоака, Куэтлацтлана и Цапотлана». Испанский подстрочник несколько менее точен. Он гласит: «Великий храм города Мехико был закончен и доведен до совершенства. Старики говорят, что в тот год были принесены в жертву 4 тыс. человек, которых привели из провинций, побежденных в войне».

К жертвоприношениям мы вернемся чуть позже, а пока ограничимся тем, что констатируем: великий храм в том виде, в котором испанцы увидели его в 1519 году, был торжественно открыт Ауицотлем тридцатью двумя годами ранее. К сожалению, описания и отчеты, написанные после завоевания, часто неточны. Словами «великий храм» они иногда называют храм Уицилопочтли и комплекс храмовых зданий в центре города, а иногда храм Тлателолько. Мы должны попытаться провести различие между этими разными постройками.

Начнем с самого храма Уицилопочтли. Действительно, это был двойной храм, как его изображает «Кодекс Теллериано-Ременсис», и эту картину подтверждают некоторые другие документы, например иллюстрации к тексту Саагуна из рукописи, находящейся в Мадриде, и «Кодекс 1576 года». Пирамида покоилась на прямоугольном фундаменте, чья длина с севера на юг составляла 110 ярдов, а ширина с запада на восток 88 ярдов. Пирамида состояла из четырех или, возможно, пяти элементов, каждый из которых имел меньшие размеры, чем тот, что находился ниже. Только по западному фасаду пирамиды шли ступени, очень

широкая двойная лестница с балюстрадой по краям, которая заканчивалась почти вертикально, перед тем как достичь расположенной на вершине платформы. У ступеней с краю имелся парапет, который начинался с голов огромной змеи: одну из этих голов недавно нашли во время раскопок неподалеку от собора. Лестница насчитывала 114 ступеней и была одной из самых высоких лестниц, известных в Мексике. В храме Тецкоко было 117 ступеней, а в храме Чолула – 120, если верить Берналю Диасу. Высота пирамиды составляла, вероятно, около 100 футов.

Два святилища, одно возле другого, были возведены на плоской вершине этого огромного постамента. То, что расположено севернее и окрашено в бело-синий цвет, было посвящено Тлалоку, самому древнему богу дождя и молодой зелени. То святилище, которое находилось южнее и украшено вырезанными белыми черепами на красном фоне, было посвящено богу Уицилопочтли. В каждое святилище вела широкая дверь, расположенная с западной стороны, перед которой стоял жертвенный камень.

Одинаковые крыши, пирамидальные по форме, имели деревянный каркас, покрытый цементом и известью, и вытягивались к небу подобием стены или гребня, очень напоминающего те, что были найдены на постройках майя и чье предназначение было зрительно увеличивать высоту. Крыша святилища Тлалока была окружена волнистой гирляндой из раковин, которые символизировали воду, а крышу святилища Уицилопочтли украшали бабочки, символы огня и солнца. Там, где балюстрада поднималась к платформе, стояли статуи, в руки которых вкладывали древки знамен, устанавливаемых по определенным большим праздникам. Знамена были сделаны из великолепных перьев тропических птиц. Эти знаменосцы были особенно характерны для архитектуры и скульптуры тольтеков, у которых ацтеки их позаимствовали. Змеиные головы, одна к одной, образовывали «змеиную изгородь», коатепантли, которая шла вокруг пирамиды: это тоже было типично для культуры тольтеков.

Таков был монумент, который возвышался в центре города и империи: колоссальный, но тем не менее гармоничный по своим размерам, окруженный поклонением и ужасом. Говорили, что в фундаменте были спрятаны бесчисленные золотые украшения и драгоценные камни, которые были перемешаны с камнями и цементом по приказу императоров. Берналь Диас утверждает, что эта традиция действительно существовала и что, когда испанцы разрушили теокалли, они нашли схороненные сокровища.

В те времена, о которых мы ведем речь, двойной храм Тлалока и Уицилопочтли был не одинок. По своим размерам и высоте он занимал главенствующее положение в истинно религиозном городе, заставленном пирамидами. Он был окружен стеной из змеиных голов (коатепантли), которая, вероятно, имела около 440 ярдов в длину с востока на запад и 330 ярдов в ширину. Эта стена шла вдоль одной стороны центральной площади, затем мимо дворца Монтесумы, следуя современной Калье-де-ла-Монеда. На восток она простиралась, следуя современной Калье-де-Кармен и Коррео-Майор, а на запад – по улицам Монте-де-Пьедад и Санто-Доминго. На севере она выходила на канал, параллельный тому, которым ограничивалась площадь, и, как мы уже видели, на императорский дворец. В стене были трое или, возможно, четверо ворот; они были укреплены, и все «помещения были заполнены разнообразным оружием». Ворота охранялись гарнизоном из отборных воинов. От южных ворот начиналась насыпная дорога в Ицтапалапан и Койоакан, от северных – в Тепейак, а от западных ворот шла насыпная дорога в Тлакопан.

Саагун предоставляет перечень из не менее чем 78 построек или видов зданий, которые образовывали главный храм, то есть культовый квартал, окруженный коатепантли; но возникает вопрос, нет ли здесь некоторого преувеличения или скорее какой-нибудь ошибки: не включил ли сюда достопочтенный отец здания, которые в действительности находились по внешнюю сторону стены, где-то в другом месте города. Это подозрение укрепляет тот факт, что некоторые упоминаемые им постройки носят точно такие же названия, что и районы Теночтитлана или даже Тлателолько, а также то, что в том же самом перечне он отмечает дома для поста и медитаций, которые примыкали к местным храмам на территории кальпулли. Но как бы там ни было, мы можем все же постараться установить, какие категории зданий находились на территории, огороженной стеной.

Начнем с храмов в полном смысле этого слова: и другие великие боги имели свои жилища поблизости от Тлалока и Уицилопочтли. Среди них был Тескатлипока, «дымящееся зеркало», чей храм высился пирамидой у южного края этой огороженной территории напротив императорского дворца. Тескатлипока исполнял несколько ролей в пантеоне богов: он был богом ночи, войны и молодости; его также называли Йоалли Экатль («ночной ветер»), Йаотль («воин») и Тельпочтли («юноша»). И был еще Кецалькоатль («змей, покрытый драгоценными перьями»), герой, принесший культуру, бог ветра. Его храм располагался в 100 ярдах к востоку от великой пирамиды, вровень с его главной лестницей. В отличие от всех других храмов это была округлая постройка, имевшая форму цилиндра, возведенного на пирамидальном фундаменте. Внутри

можно было войти через вход, который был сделан и раскрашен так, чтобы напоминать открытую пасть змеи. «На некотором расстоянии от великой пирамиды, – пишет Берналь Диас, – находилась башня меньшего размера, которая тоже была вместилищем идолов, или, вернее, это был настоящий ад, так как входом в него служила одна из тех ужасающих пастей, которые можно увидеть на картинах. Говорят, в аду есть такие пасти с огромными зубами, которые глотают тех, кто был проклят... Ад для меня всегда был связан с именем этой башни».

Можно легко составить себе представление о том, как выглядел храм Кецалькоатля, вспомнив круглую башню Калиштлауака в районе Толука, в стране матлалцинков, которая была построена в годы правления ацтеков. Цилиндрические конструкции редки в Мексике, стране пирамид и острых углов, и если их возводили, то обычно в честь бога ветра, который, как считалось, отдавал им предпочтение, потому что они не мешали воздушным потокам. Что же касается дверного проема в виде змеиной пасти, впечатляющий образец ее можно увидеть у входа в ацтекский храм в Малиналько.

Мы также можем примерно определить местоположение храма богини-матери Циуакоатль («женщина-змея») и Коакалько («у храма змеи»): они стояли рядом друг с другом в северо-западном углу огороженной стеной территории. Коакалько был пантеоном: «Именно там жили боги городов (альтепететео), которые были завоеваны мексиканцами. Они взяли этих богов в плен и поместили их в этом храме; там они и находились в Коакалько». Действительно, религия ацтеков была весьма эклектичной, они окружали своих богов как можно большим числом чужих богов из всех уголков империи.

Наконец, нам известно, что храм солнца стоял к юго-западу от этой группы храмов напротив дворца Ашайакатля.

Великое множество вспомогательных зданий окружало храмы: места для молитвы, наказаний или жертвоприношений. Одним из них был куаушикалько, «место, где находится куаушикалли», или чаша для сердец принесенных в жертву людей. Здесь император и жрецы постились и накладывали на себя епитимью, втыкая себе в ноги колючки агавы и принося в жертву богам свою кровь. Другими постройками были тсомпантли, где выставлялись напоказ черепа принесенных в жертву людей. Там был темалакатль, огромный круглый камень, положенный плашмя на низкую пирамиду, рядом с которым отважные пленники, привязанные к нему веревкой, бились в своем последнем бою с ацтекскими

воинами. Заведения под названием кальмекак были одновременно и монастырями и школами. В них жили жрецы, аскеты, иссушенные постами, суровые в своих черных одеяниях, с длинными волосами. Здесь молодые люди, принадлежавшие к правящему классу, обучались обрядам, письму и истории своей страны. У каждого храма был свой собственный кальмекак, где жрецы и их ученики жили вместе.

Внутри огороженной территории было много водных источников, и к тому же, как указывает Берналь Диас, сюда из Чапультепека тянулся акведук, и из него вода по крытому каналу лилась в водоем. Ночью жрецы огня купались в Тлилапане («темной воде»). Еще один источник, Тошпалатль, обеспечивал питьевой водой не только жрецов, но и всех остальных. Только верховный жрец храма Коакалько купался в ручье или водоеме под названием Коапан.

Но в культовом квартале имелись также и мирские постройки. Во-первых, там находился тлачтли, площадка для игры в мяч, любимого развлечения высших слоев общества, которое в то же время представляло собой и нечто вроде ритуальной пантомимы. Длинные параллельные стены этой площадки тянулись в восточном направлении, а располагалась она к западу от храма Кецалькоатля, между ним и внешней стеной. На этом месте была найдена очень красивая статуя Шочипилли, «принца цветов», бога молодости, музыки и игр. Игру в мяч высоко ценили все цивилизованные народы древней Мексики: жители Теночтитлана позаимствовали ее у своих соседей по долине, к которым, в свою очередь, она перешла от тольтеков, страстных любителей этой игры.

Там находилось несколько зданий, называемых тлакочкалли или тлакочкалько («дом копий»), которые служили арсеналами не только при возможной обороне храма, но и для военных операций вообще. Их охраняли воины, за которых отвечал тлакочкалькатль, высокий военный чин.

Два дома использовались как гостиницы «для владык Анауака, для тех, кто прибыл из далеких городов. И Монтесума оказывал им высокие почести, даруя им подарки, роскошные плащи, драгоценные ожерелья или великолепные браслеты». И наконец, там находился Мекатлан, специальное здание для школы тлапицке, музыкантов, играющих на флейте или других духовых инструментах в различных торжественных случаях, и для их репетиций.

Все это живое сложное образование представляло собой большое количество домов, высоких и низких, башен, стен и крыш, украшенных барельефами,

сияющими белизной и красками. Здесь, вокруг сплетенной из тростника хижины, и зародился город; и здесь же ему было суждено умереть под грохот ружей и треск пылающих храмов.

Но по мере роста города и государства правители, как и их боги, сменили бедность на богатство, а тростниковую хижину на дворец. Кажется, что каждый император был полон решимости построить свой собственный дом. Дворец Ауицотля, расположенный к северу от великого теокалли, все еще стоял на своем месте, когда испанцы пришли в Мехико, равно как и дворец Ашайакатля, в котором они остановились. Он, как уже было сказано, находился напротив западной стороны стены змей. Что касается Монтесумы II, то он жил в огромном дворце под названием «Casas nuevas»[3 - Новые дома (исп.)], чьи размеры и роскошное убранство повергли искателей приключений в удивление и восхищение.

Этот дворец, расположенный к востоку от площади, занимал прямоугольную площадь со стороной приблизительно 220 ярдов. Он также представлял собой целый город со многими воротами, через которые можно было попасть внутрь либо пешком, либо на лодке. «Несколько раз я ходил в резиденцию императора, – утверждает очевидец, – чтобы просто посмотреть на нее. Всякий раз я ходил по ней до изнеможения, и все равно я так и не увидел ее всю». Надо полагать, дворец представлял собой расположенные в определенном порядке здания, многие – если не все – из которых были двухэтажными, сгруппированными вокруг овальных или квадратных внутренних двориков с садами.

Апартаменты монарха находились на верхнем этаже, как утверждает «Кодекс Мендоса». В нем же говорится и о комнатах для королей присоединенных городов Тецкоко и Тлакопана, которые содержались на этом же этаже. На первом этаже размещались те, кого сейчас можно было бы назвать главными двигателями власти и правительства, – высший гражданский и уголовный суды и специальный трибунал, который судил высоких сановников, обвиненных в преступлениях или серьезных проступках, таких, как супружеская неверность. Также там находился военный совет, на котором собирались высшие военачальники; ачкаукалли, место сбора чиновников рангом пониже, которые исполняли судебные распоряжения; петлалъко, или общественное хранилище, где находились большие запасы кукурузы, бобов, зерна и другого продовольствия, а также одежда и разнообразные товары; и «зал калъпишке», чиновников, которые отвечали за казну. Другие части дворца использовались

как тюрьмы либо для военнопленных, либо для обычных преступников.

Но помимо этих было огромное множество залов и дворики, которые были приспособлены к тому роскошному и утонченному образу жизни, к которому стали привычны мексиканские императоры. Этот образ жизни копировали высшие сановники, но, разумеется, настолько, насколько это позволяли им их средства. Молодые люди приходили сюда из местных школ по вечерам, чтобы петь и танцевать, в то время как искусные певцы и музыканты были наготове в другой комнате на тот случай, если у императора вдруг возникнет желание получить такое удовольствие. У них были наготове барабаны и флейты, колокольчики и погремушки – все, чего мог пожелать их господин. Здесь также находились ремесленники, чьи искусные пальцы обрабатывали нефрит, или плавил золото, или составляли кусочек за кусочком мозаики из перьев. Далее располагался тотокалли, «дом птиц», который звенел от пения всех крылатых обитателей тропиков, а где-то в другом месте рычали в своих деревянных клетках ягуары и пумы. Редчайшие цветы и лечебные травы со всех уголков страны были посажены в садах, а в больших водоемах обитали утки, лебеди и белые цапли.

«У Монтесумы, – пишет Кортес, – был такой великолепный дворец в городе, что, мне кажется, почти невозможно описать его красоту и роскошь. Я только скажу, что ничего подобного в Испании нет». Эти смелые слова были адресованы испанским идадьго королю Карлу V. Но описания Берналя Диаса, простота которых подтверждает их правдивость, полны такого же восторга.

Чуть позже мы коснемся деталей, которые позволяют составить представление об образе жизни правителей Мексиканского государства. А пока достаточно уже нарисованной картины Власти, находящейся рядом с Религией, в общей панораме города. Можно представить себе степень изумления сельского жителя, индейца с побережья или с гор, прибывшего в Мехико и глазеющего на лес пирамид теокалли или на череду фасадов и террас императорского дворца. Производимое всем этим впечатление великолепия было еще большим за счет бесчисленных барельефов, статуй и разнообразных скульптур, в основном религиозного содержания, но иногда и мирского, которые украшали здания, населяли святилища и большие залы и представляли перед зрителями со стен и площадей. Несмотря на крупномасштабные разрушения в XVI веке, то, что осталось от этого великолепия и хранится в национальном музее, удивляет своим богатством, размерами и совершенством.

Центральная площадь Теночтитлана, как и в других районах, служила также и рыночной площадью. «В этом городе много площадей, – сообщает Кортес, – на которых всегда располагаются рынки, где можно что-то купить и продать. Но, – добавляет он, – есть еще одна, по своим размерам вдвое превышающая город Саламанку, полностью окруженная сводчатыми галереями, где каждый день более шестидесяти тысяч человек что-то покупают и продают и где можно найти всевозможные товары из всех провинций, будь то продукты питания или драгоценности из золота или серебра».

Очевидно, здесь имеется в виду рыночная площадь в Тлателолько. Жители Тлателолько всегда славились своей страстью к торговле, так что после присоединения города к Теночтитлану он стал главным деловым центром столицы. «Когда мы достигли большой площади под названием Тателулько, – пишет Берналь Диас, – то, поскольку мы никогда ничего подобного не видели, стояли пораженные бесконечным числом людей и товаров и тем, какой во всем царил порядок и размеренность». Автор «Реласюн абреже» утверждает, что от 20 до 25 тыс. продавцов и покупателей приходили туда каждый день и что каждый пятый день был большой базар, посещаемый от 40 до 50 тыс. человек.

Во всех сообщениях одинаково говорится о необычайном разнообразии огромного рынка, и все они в голос отмечают заведенный в нем порядок. Каждому виду товара отводилось привычное и определенное место в рядах, похожих на улицы, «точно так же, как это бывает у меня на родине, в Медине-дель-Кампо, – пишет Берналь Диас, – когда проходит ярмарка». В одном месте продают драгоценности из золота и серебра, а также драгоценные камни и разноцветные перья из Жарких Стран; в следующем ряду – рабов, покорных и ожидающих своих покупателей, некоторые из них развязаны, а у некоторых на шеях тяжелые деревянные колодки. Дальше мужчины и женщины торгуются из-за плащей, набедренных повязок и юбок из хлопка или ткани, полученной из волокон алоэ.

Обувь, веревки, шкуры ягуаров, пум, лис и оленей, сырые или дубленые, были сложены в местах, специально для них отведенных. И было отдельное место для перьев орлов, ястребов-перепелятников и соколов. Кукуруза, бобы, маслосодержащие семена, какао, перец, лук, тысяча видов зелени; индейки, кролики, зайцы, оленина, утки и маленькие нелающие безволосые собачки, которых так любили употреблять в пищу ацтеки; фрукты, сладкий картофель, мед, патока из кукурузных стеблей или сока агавы; соль; краски для крашения и письма, кошениль, индиго; гончарные изделия всех форм и размеров, утварь из

тыквы-горлянки, вазы и блюда из раскрашенного дерева; ножи из кремня и обсидиана, медные топоры; дерево, доски и брус для строительства, хворост, древесный уголь, смолистые факелы; сделанная из коры или алоэ бумага; цилиндрические бамбуковые трубки, снаряженные и готовые для курения; все дары озер, начиная от рыбы, лягушек и ракообразных и кончая подобием икры из яиц насекомых, собранных с поверхности воды; циновки, стулья, печи...

«Что же еще я могу добавить? – восклицает Берналь Диас. – На продажу были выставлены даже несколько лодок, которые, простите за подробность, были наполнены человеческими экскрементами; они были причалены в топком месте недалеко от рынка, и их использовали для дубления кож. Я упоминаю об этом, хотя прекрасно знаю, что кое-кого это рассмешит». Со всех сторон навалено огромное количество съестных припасов, неслыханное множество всевозможных товаров, а между этими рядами туда и сюда двигалась плотная толпа, неспешная, степенная, не шумная толпа, а бормочущая и шепчущая, какой и по сей день остаются толпы индейцев. На этой рыночной площади, по словам Кортеса, «есть места, похожие на аптекарские лавки, где продают готовые к употреблению лекарства, мази и припарки. Есть парикмахерские, в которых можно помыть голову и подстричься; есть дома, где, заплатив, можно поесть и попить». А еще там были женщины, которые готовили пищу на своих печках на открытом воздухе и предлагали покупателям блюда из тушеного мяса или рыбы с овощами, или кукурузную кашу со специями, или леденцы из меда с отличными маисовыми лепешками под названием тлацкалли, или пироги из кукурузной муки, под чьей дымящейся корочкой была начинка из бобов, мяса и перца.

Можно целый день бродить по этому празднику торговли, присаживаясь покушать и встречаясь там с родственниками и друзьями. Так делали многие: гуляли туда-сюда по рядам, вдоль которых выстроились в ряд осыпающиеся горы фруктов или были развешаны пестрые одежды. Можно было обстоятельно поговорить с индианкой, сидящей на корточках позади своей овощной продукции, или забавляться диким видом индейца-отоми, спустившегося с гор, чтобы продать несколько шкур. Или можно было с завистью глядеть на почтекатля, торговца, только что вернувшегося из овечьих небылицами юго-западных районов, на его перья попугаев, его драгоценности из полупрозрачного нефрита и его внешний вид, говорящий о его богатстве.

Бесстрастные стражи рынка, тианкиспан тлайакаке, ходили взад и вперед по огромной площади, молчаливо наблюдая за толпой и торговцами. Если возникал

какой-нибудь спор, например, покупатель заявлял, что его надули, или кто-то увидел разложенные для продажи товары, которые у него были украдены, то мгновенно всех, кого это касалось, отводили в суд, который непрерывно заседал на одном конце рынка, и трое судей постоянно вставали то на одну, то на другую сторону и выносили свой вердикт прямо на месте. Если на обидчика налагался штраф, то он посылал за своими домочадцами, и можно было увидеть, как они идут, задыхаясь под тяжестью куачтли, рулонов ткани, которую использовали в качестве денег. И все возвращалось на круги своя: удовлетворенная толпа опять начинала свое муравьиное движение между крытыми галереями, которыми была расчерчена площадь, у подножия высокой пирамиды храма Тлателолько.

Проблемы большого города

Такой огромный город с таким многочисленным населением, вероятно, ставил перед своими правителями проблемы, которые и не могли присниться его основателям двумя веками раньше. Вопрос «как прокормить?» не представлял никакой сложности, судя по большому количеству рыночных площадей. И действительно, сюда постоянно приплывали бесчисленные лодки, нагруженные продовольствием. Можно попутно отметить, что водный транспорт был, безусловно, самым эффективным в стране, где не было ни одной вьючной или ломовой лошади, ни одной телеги или какого-либо другого сухопутного средства передвижения и никаких животных, которые могли бы заменить лошадь.

Но серьезную проблему питьевой воды решить было чрезвычайно трудно. Природа так создала долину Мехико, что она страдает как тогда, так и по сей день от двух противоположных неблагоприятных условий: либо от слишком большого количества воды, либо от ее недостатка – от наводнений или засухи. В дождливый сезон невероятно сильные бури за несколько минут заполняют дно этого огромного бассейна массой воды, уровень которой может упасть только очень медленно. В засушливое время года очень трудно снабжать город питьевой водой и водой для полива садов. Благодаря испарению уровень воды постепенно понижался, и часть озера вокруг Мехико стала совсем мелкой, хотя на самом деле в те времена климат в долине, вероятно, в целом был лучше, чем в наши дни, и меньше подвержен таким крайностям. Осушение ближайшей к городу лагуны, как часть борьбы с опасностью затопления, также не послужило улучшению климата.

Вначале мексиканцы не могли испытывать трудности с питьевой водой: источников на центральном острове было вполне достаточно. Как мы уже видели, в XVI веке они еще покрывали часть городских нужд. Однако слишком соленая вода самого озера была бесполезна, и, когда несчастные защитники города дошли до того, что стали ее пить, это только ухудшило их страдания.

По мере роста населения источников стало не хватать. Единственным разрешением проблемы было подведение воды от источников, которые текли на материке. Ацтекам был хорошо известен источник в Чапультепеке («горе кузнечика») к западу от Теночтитлана. Для них это было место, связанное с горькими воспоминаниями, так как именно там в начале XIV века, когда они еще были кочевниками, им было нанесено самое ужасное поражение в истории их племени: их вождь Уицилиуитль-старший вместе со своими двумя дочерьми был угнан в рабство и умер в Кольуакане. Но при Монтесуме I Чапультепек стал зависимым от столицы вместе со своим знаменитым лесом, скалами и обильным источником, бьющим у их подножия.

Возможно, какое-то время мексиканцы довольствовались тем, что привозили сосуды с этой водой на лодках, но очень скоро этого, вероятно, оказалось недостаточно, и тут, должно быть, возникла идея акведука. Акведук был построен при Монтесуме I, и он тянулся от источника до самого центра города, проникнув за огражденную территорию великого теокалли на расстояние, значительно превышающее три мили. Он был сделан из камня и известкового раствора, и все сообщения сходятся на том, что в нем было два стока шириной равной ширине человеческого тела каждый. Единоновременно пользовались только одним стоком, с тем чтобы, когда через определенный промежуток времени настанет пора его чистить, воду можно было бы пустить по другому стоку.

Очевидно, из-за специфической планировки города акведук должен был проходить над несколькими каналами. Кортес, описывая его, видимо, был особенно поражен оригинальной конструкцией полых мостов, «больших, как быки», которые перекрывали водные протоки. Ловкие черпальщики, балансируя на мостах, по которым текла вода, наливали за плату питьевую воду в емкости, которые находящиеся внизу лодочки протягивали им. Лодочки затем отплывали, чтобы продавать эту воду по всему городу. Имелись также общественные фонтаны; или был, по крайней мере, один главный фонтан в центре города: туда шли женщины, чтобы наполнить свои кувшины.

Но число жителей по-прежнему росло, так что, в свою очередь, акведука из Чапультепека стало недостаточно. Строительство второго акведука, начавшееся и закончившееся при Ауицотле, демонстрирует как величину прироста города, так и разумную деятельность его правителей. Этот водопровод, по которому текла вода из Койоакана, проходил вдоль насыпной дороги в Ицтапалапан.

Выполнению этой работы предшествовало самое неудачное предприятие, которое показывает хрупкость природного баланса между озером и островами. Оно произвело в то время на жителей такое сильное впечатление, что дошедшее до нас описание этих событий всю тяжесть вины за них приписывает колдовству. В действительности Ауицотль предложил брать воду из источника под названием Акуэкуэцатль, который был ключом на территории Койоакана, между этим городом и Уицилопочко. По утверждению Тесосомока, Ауицотль послал гонцов к владыке Койоакана. Он был известным чародеем и на глазах у обьятых ужасом гонцов превращался в орла, тигра, змею и в огненный вихрь. Но посланцы сумели накинуть ему на шею веревку и задушили его. Работы начались немедленно, и некоторое время спустя акведук был готов доставлять воду прямо в центр города.

Конец работы был отмечен большим праздником. Один из верховных жрецов, стоя на коленях, стал пить воду из источника, в то время как его прислужники извлекали звуки из своих музыкальных инструментов, а «певцы Тлалока» пели гимны в честь богов воды под стук деревянной колотушки. «Пусть твоя вода будет радушно принята в Мехико-Теночтитлане, который лежит среди тростниковых зарослей озера», – пели они. Затем начались человеческие жертвоприношения. Наконец, сам император, увенчанный золотой короной, приветствовал приток пресной воды в Теночтитлан и принес ей в жертву птиц, цветы и воскурил ладан. «О Чальчиутликуэ («та, что носит зеленую юбку из камня» – богиня воды), – воскликнул он, – добро пожаловать в дом Уицилопочтли!»

Но источник Акуэкуэцатль начал бурлить, и вода устремилась наружу со все возрастающим напором. Акведук переполнился, и на исходе сорока дней ситуация оставалась угрожающей: уровень воды в озере постоянно поднимался. Рыбаки подняли тревогу, а потом началось наводнение, которое уничтожало дома и даже создало угрозу жизни императора, вынужденного в результате искать убежища в великом храме. На берегах озера и на островах маисовые поля были опустошены, и возникла перспектива голода. Много людей утонуло, а другие начали покидать город.

И мексиканский летописец Тесосомок, склонный превозносить свой народ и его прежних правителей, и Иштлильшочитль, из-под пера которого вышла история, явно с уклоном в пользу Тецкоко, отмечают, что Ауицотль, оказавшись в столь критическом положении и боясь, что недовольные мексиканцы взбунтуются, отправился просить помощи у своего союзника Несауальпилли, владыки Тецкоко. Несауальпилли сказал: «Тебя никогда не постигло бы такое несчастье, если бы ты последовал совету владыки Койоакана, вместо того чтобы приказывать убить его».

Затем он стал руководить техническими и магическими действиями: были принесены в жертву несколько высокопоставленных чиновников, а их сердца брошены в источник вместе с драгоценными камнями, золотом и украшениями. Затем под воду спустились пятнадцать ныряльщиков, и им удалось заблокировать дыры, из которых вода лилась с такой силой. Позднее над этим опасным водоемом было построено нечто вроде бетонного колпака, чтобы навсегда закрыть его.

Наводнение дорого обошлось императору и городу: нужно было отстраивать заново бесчисленное количество домов, и среди них – дворец самого Ауицотля; каждому из ныряльщиков было заплачено 10 мер куачтли – целое состояние, 200 тыс. мер маиса было роздано голодному населению, 32 тыс. лодок было предоставлено жителям, чтобы спасти все, что только возможно, от воды, пока она не спадет; и, наконец, всем бедствующим было роздано огромное количество одежды. Иштлильшочитль даже утверждает, что наводнение явилось причиной смерти императора, так как, «находясь в помещении на первом этаже, которое выходило в сад, он был вынужден спасаться бегством, потому что напор воды был так стремителен, и он так сильно ударился головой о дверной косяк, что поранился и в конце концов умер от этого».

Это было, без сомнения, самое известное наводнение до прихода испанцев, но конечно же оно было не единственное. В каждый сезон дождей город подвергался риску наводнений, так как всякий раз, когда реки, впадавшие в озеро Тецкоко, выходили из берегов, особенно река Акольман, вода устремлялась в лагуны, окружавшие Мехико. Именно с целью защиты от этой опасности в соответствии с планом и по совету Несауалькойотля, правителя Тецкоко, в 1449 году Монтесума I построил дамбу длиной 10 миль. Она шла с севера на юг от Атсакоалько до Ицтапалапана и защищала Теночтитлан от разлива огромного озера. Ее останки значительных размеров можно увидеть до сих пор.

Поэтому можно сказать, что мексиканцы решили первую из двух своих больших проблем, проблему питьевой воды. Но решение второй проблемы, проблемы защиты от наводнений, было неполным и ненадежным. И действительно, даже в наше время с ней еще не полностью покончено, несмотря на современное оборудование.

Есть еще один вопрос, которому следует уделить минутку, вопрос городской канализации. В Теночтитлане не было канализации, как в Риме во времена Цезаря или в Париже Людовика XIV, так что сточные воды попадали в каналы и озеро. К счастью, в озере имелось течение, что обеспечивало определенную степень оттока грязных вод. В определенных местах, «на каждой дороге», по словам Берналя Диаса, имелись общественные уборные; их тростниковые стены скрывали страждущих от посторонних глаз. Нет сомнений, что лодки, упомянутые этим же самым конкистадором при описании рынка, приплыли отсюда. Попутно можно заметить, что ацтеки понимали пользу унавоживания почвы нечистотами.

Мусор сваливали на краю города на заболоченных пустошах или закапывали во внутренних двориках. Поддержание состояния улиц находилось в ведении местных властей каждого квартала под общим руководством уэй кальпишки, имперского чиновника, который издавал распоряжения наподобие префекта. Каждый день на уборку общественных магистралей выходила тысяча человек, которые подметали и мыли их с таким тщанием, что, по свидетельству одного очевидца, можно было ходить, беспокоясь о чистоте своих ног не больше, чем о чистоте рук. Совершенно точно известно, что в начале XVI века жизнь в городе была безопасна для здоровья из-за обилия воды, привычки его жителей к чистоплотности и горного воздуха. Нет упоминаний ни об одной эпидемии в «Кодексе Теллериано-Ременсис», в который тем не менее аккуратно занесены все знаменательные события и бедствия, сильные ливни, землетрясения, появления комет и затмения солнца. То же самое относится и к «Кодексу 1576 года» и «Кодексу Ацкатитлана». Первая большая эпидемия, которую когда-либо знал Мехико, произошла, когда прибывший вместе с испанцами негр с Кубы занес сюда оспу. Она опустошила страну и унесла с собой императора Куитлауака.

Теночтитлан – молодая столица

Современные эксперты не сходятся во мнениях относительно толкования того, что только что было описано. Чем же на самом деле был Теночтитлан? Очень большой индейской деревней? Разросшимся пуэбло? Или Александрией Западного полушария? «Хотя по своему социальному составу и способу управления Теночтитлан был явно племенным городом американских индейцев, внешне он выглядел как столица империи», – считает Вэйлант. С другой стороны, Освальд Спенглер отводит Теночтитлану место среди «городов мира», которые являются символами и материальным выражением культуры, чье величие и упадок суммировалось в них.

Должен признаться, что я не знаю, что имеется в виду под «племенным городом американских индейцев». Если это означает, что Мехико не являлся на самом деле столицей империи и за великолепными декорациями существовало не больше того, что можно увидеть в любой деревне в Аризоне, то, по-моему, это опровергают непреложные факты. Существует такая же большая разница между Мехико и Таосом или Суньи, как между Римом времен Юлия Цезаря и Римом времен династии Тарквиниев: взрослого нельзя спутать с эмбрионом.

Но также нельзя утверждать, что Теночтитлан был одним из богатых городов со сложной закосневшей структурой, являющихся изысканной гробницей, где коченеет цивилизация после ее гибели. Он являлся молодой столицей развивающегося общества, движущейся вперед цивилизации и все еще складывающейся империи. Ацтеки не достигли кульминации своего развития; их восходящая звезда прошла едва лишь начальные ступени своего пути. Никогда нельзя забывать, что город был уничтожен испанцами еще до того, как достиг своего двухсотлетия, и что его подлинный подъем начался только с Иццоатля, менее чем за сто лет до вторжения.

Да, за такое короткое время эволюция людей и институтов власти была чрезвычайно быстрой, и, несомненно, была ускорена жизнестойкостью молодого народа с богатейшим культурным наследием. Но эта его живучесть, далеко не уменьшающаяся, продолжала непрерывно расти и оставлять следы своего присутствия; время усталости и упадка еще не настало. Ничто еще даже не начало ослаблять его стремительного движения вверх, пока вторжение европейцев навсегда не остановило его.

По этой причине Мехико в 1519 году не выглядел как до конца сложившийся город, как мертвая душа в мертвой каменной оболочке. Это был живой организм, который все эти двести лет оживляла неистовая жажда власти.

Империя еще расширяется на юго-восток; социальная структура постоянно меняется; форма правления все меньше и меньше напоминает племенную и становится все больше похожа на государственную. В этой картине нет и намека на старость. Мир ацтеков только-только достигает своей зрелости; и столица, не примитивная и не идущая к упадку, являет собой истинный облик народа, который, хоть все еще и сохраняет племенную сплоченность, с высоты своего главенствующего положения с нетерпением всматривается в новые горизонты.

Давайте снова взглянем на этот город и послушаем его. Нет ничего лихорадочного в его нескончаемой упорядоченной деятельности. Толпа людей с загорелыми лицами в белых одеждах бесконечно течет вдоль тихих фасадов домов, и время от времени через незакрытый дверной проем можно уловить садовый аромат. Не слышно громкой речи, лишь тихое бормотание звучит едва ли громче приглушенного шарканья босых ног или сандалий. Если взглянуть вверх, можно увидеть резкие линии пирамид на фоне яркого неба, а дальше два огромных вулкана вздымают вверх свои темные леса и вечные снега. Двигаются трусцой мужчины, наклонив голову под повязкой, которая поддерживает их ношу. Идут женщины с корзинами, полными домашней птицы или овощей. Рядом, мимо них бесшумно скользят по каналу каноэ. Внезапно из уст в уста передается возглас «Император!», и появляется императорская свита. Толпа расступается, и, опустив глаза, люди бросают цветы и свои плащи под ноги окруженному вельможами императору в ореоле из зеленых перьев и золотых украшений.

Даже в полдень в тени стен прохладно, а ночью – явно холодно. Улицы ночью не освещены: все знают, что ночь – это время жестоких и опасных людей, которые маячат на перекрестках, время Тескатлипоки, который бросает вызов воинам, и зловещих сиуатетео, женщин-монстров, которые обитают среди теней. Но в отличие от наших европейских городов тех времен в городе не прекращается жизнь до утра, ведь в Мехико ночь – это самое важное время для нанесения визитов, так что в дверных проемах можно увидеть красный свет факелов, которые окрашивают красным темноту над внутренними дворами. Ночью также празднуется возвращение караванов, а жрецы встают через определенные промежутки времени, чтобы отслужить свои службы. Темнота, уже разорванная пламенем огромных треножников, нагруженных смолистыми дровами на ступенях теокалли, наполнена многократно отражающимися звуками флейт, голосов, доносящихся с пиршеств знати или торговцев, и звучанием храмовых гонгов.

Это яркая, сложная жизнь, отражение многогранного, многослойного общества, в котором движутся мощные течения. Чтобы понять ее, мы должны отрешиться от материального окружения, в котором она протекала, и обратиться к самому обществу.

Глава 2. Общество и государство в начале XVI века

Во время своего переселения и после прибытия в центральную долину мексиканское племя сохранило довольно простую и, по сути, уравнительную социальную структуру. Мешика, народ воинов-крестьян, иногда оставался на плодородных землях в течение нескольких лет; иногда они воевали, чтобы овладеть пахотными землями, а потом, неся свои немногие пожитки на спинах, вновь начинали свои странствия.

Такая жизнь не требовала ни какой-либо заметной дифференциации в социальных функциях, ни появления организованной власти. Глава каждой семьи был и воином и фермером и вместе со всеми другими принимал участие в долгих разговорах, во время которых принимались важные решения. Что касается уровня жизни ацтеков, то он был для всех одинаков. Все они были бедны. Единственным зародышем правящего класса, который существовал в тот период, были жрецы Уицилопочтли, служители бога, которые к своим жреческим функциям присоединили до какой-то степени военное командование и власть вообще. Но этой зачаточной организации было достаточно, и, когда мексиканцы, пытаясь подражать своим более развитым соседям и подняться до ранга городов, дали своему народу монарха, результат был катастрофическим (здесь имеется в виду захват и казнь «короля» Уицилиуитля-старшего жителями Кольуакана. – Авт.). На момент основания их города у них была та же самая социальная и политическая организация, что и во времена их скитаний.

Какая же огромная перемена произошла с тех времен до начала XVI века! Мексиканское общество видоизменилось, оно приобрело более сложную структуру и разделилось на слои: различные его части имели сильно разнящиеся функции, а власть правящих сановников была очень велика. Духовенство, занимавшее высокое по почету и значимости положение, утратило свой военизированно-мирской вид. Торговля теперь имела дело с огромным количеством ценных товаров, а влияние торговцев росло. Появились богатство и

роскошь, а вместе с ними и бедность.

На простые старые черты племенной организации наложились черты государства с умением управлять, а также вырабатывать и осуществлять внешнюю политику; а во главе этого стоял один-единственный человек, тлатоани, император, со своими советниками и чиновниками, занимающий такое высокое и выдающееся положение, что простым людям нельзя даже было смотреть на него.

Перемена произошла огромная, и за очень короткое время: племенную демократию заменила аристократическая имперская монархия.

Правящий класс

Правящий класс, находившийся на вершине социально расслоенного общества, сам подразделялся на несколько категорий в зависимости от функций, значимости и веса в обществе. Так, верховный жрец по положению был равен военачальнику, и оба они смотрели сверху вниз на бедного «приходского жреца» или деревенского сборщика податей. И все-таки все они стояли отдельно от тех, кого испанцы называли простолюдинами, масеуальтин (масеуалли – форма единственного числа), у которых не было ни власти, ни должности.

Слово текутли – «сановник» или «господин» – применялось в отношении представителей высшей ступени правящего класса, когда речь шла об армии, исполнительной или судебной власти. Этим словом называли главных военачальников, чиновников высшего ранга в Мехико (например, главного казначея) и в провинциях, управляющих районами столицы и судей, которые разбирали самые важные дела в больших городах. Если бывший правитель города, присоединенного к империи, оставался на своем месте под властью Теночтитлана, он был текутли. Сам император был текутли; и этим выдающимся титулом часто наделяли богов: Миктлантекутли («владыка подземного мира»), например, или Шиутекутли («владыка бирюзы»), бог огня.

Жрецы, в свою очередь, очень редко получали такое отличие. Как мы увидим, у них имелась своя собственная иерархия, которая была не менее выдающаяся и

почитаемая, чем у других.

Поначалу текутли избирались или, скорее, назначались, причем при избрании на любую должность выбор почти всегда падал на члена одной и той же семьи. Преемственность поста главы района, например, осуществлялась «не по наследству, а, после его смерти, посредством выбора самого уважаемого, мудрого, талантливомго и пожилого человека... Если у умершего остался сын, годный занять это место, выбирают его: всегда выбирают родственника при условии, что таковой имеется и он подходит к этой должности».

Ко времени правления Монтесумы II, однако, единственными постами, которые действительно занимали выбранные кандидаты, были самые высшие: пост императора и четырех «сенаторов», которые его сопровождали. Во всех остальных случаях либо император напрямую давал назначения своим подчиненным, либо районы или города выдвигали своих кандидатов, но это выдвижение вступало в силу лишь в том случае, если оно было утверждено центральной властью.

На практике избирали обычно сына или племянника или даже брата местного текутли, который становился его преемником в деревне, городе или районе. Но хотя внешне это выглядело как соблюдение традиции, на самом деле это уже было не избранием, а презентацией, и последней инстанцией был император, который назначал человека по своему выбору. Власть уже не давалась снизу, а приходила сверху: новая государственная машина поглотила последние следы демократических начинаний.

Текутли всегда занимал очень важное положение, управлял ли он деревней, небольшим городком или большим городом. Именно текутли испанцы называли словом «кастик» (это слово они привезли с Ямайки). Он носил особую одежду и ювелирные украшения, его имя заканчивалось уважительным окончанием -цин; он жил в теккалли, во дворце, скромном или, случалось, роскошном, который содержали жители деревни или городка, обязанные предоставлять ему, по их выражению, «дрова и воду» и бытовое обслуживание. У него была земля, которую обрабатывали за его счет; доход с нее можно было бы назвать его жалованьем. Помимо этого император жаловал его «продовольствием и платой»: тканями, одеждой, продуктами питания, а в обмен на это был обязан являться к императору, когда бы тот его ни призвал.

Каковы были его функции? Во-первых, он представлял свой народ перед высшими властями: он должен был «говорить за вверенных ему людей» и защищать их в случае необходимости от чрезмерного налогообложения или какого-либо посягательства на их землю. Во-вторых, он выступал в роли судьи во время тяжб, обращался с апелляцией в Мехико или Тецкоко. Далее, в качестве военачальника он возглавлял воинские отряды, которые был обязан предоставить в случае войны. Наконец, на своем посту он должен был поддерживать порядок, надзирать за обработкой полей, особенно тех, которые были выделены для выплаты податей, а также позаботиться о том, чтобы эти подати были заплачены кальпишке из администрации империи.

И в завершение, особенно если его район занимал важное положение, он, в свою очередь, имел право назначать местных чиновников при условии, что будет платить им с доходов от своих земель и из своего денежного содержания. Текутли, его семья и дети не платили налогов.

В давние времена во Франции существовала огромная разница между образом жизни сельских помещиков в Бретани или Гаскони и образом жизни видных аристократов из свиты короля, а также огромное различие в значимости их положения. Точно так же текутли из далекой мексиканской деревушки не имел такого большого авторитета по сравнению с одним из приближенных Монтесумы. Но в то время как французский дворянин был уверен в том, что его титул перейдет к его наследникам, текутли не мог быть в этом уверен. Он обладал им только при жизни, а после его смерти двойная процедура выдвижения кандидата снизу и утверждения его центральной властью могла передать его должность дальнему родственнику или даже кому-то совершенно постороннему. На деле во многих городах, особенно поблизости от Мехико, были текутли, назначенные напрямую императором.

В каждом районе (кальпулли) столицы был свой начальник, кальпуллек, который избирался на пожизненный срок; жители отдавали предпочтение членам одной и той же семьи, а император утверждал их выбор. У него был совет старейшин, уэуэтке, которые являлись, вероятно, самыми почтенными и широко известными главами семей, и «он никогда не предпринимал ничего, не выслушав мнения старейшин». Его обязанности были во многом схожи с обязанностями текутли деревни или города: особенно от него требовалось умение «защищать и оборонять» своих сограждан. Но его главной задачей было вести запись общинных земель, принадлежащих кальпулли и поделенных между разными семьями. Как мы увидим позднее, каждая семья имела право

пользования своим наделом и доходами с него, могла обрабатывать его и снимать с него урожай на определенных условиях. Обязанностью кальпуллека и его совета старейшин было следить за тем, чтобы эти условия соблюдались, и вести в книгах запись всех изменений в наделении землей посредством символических рисунков и иероглифов.

Ввиду занимаемой им должности кальпуллек должен был нести весьма значительные расходы. Часто в его доме собирались районные старейшины, и он, как хозяин, должен был предложить им пищу и питье. Даже в наши дни в любой мексиканской деревне, если индеец, занимающий какую-то должность, не делает этого не скупясь, он многое теряет в глазах окружающих. Так было и в те времена. В качестве компенсации глава района не платил налогов, а жители его кальпулли по очереди выполняли работы на его земле и в его доме.

Нет никаких сомнений в том, что здесь мы соприкасаемся с очень старыми порядками, заведенными в племени мексиканцев: кальпулли – это поистине ядро, а его глава и старейшины представляют собой самую древнюю форму территориальной организации ацтеков. Так же верно и то, что во времена, о которых идет сейчас речь, кальпуллек, хоть и был все еще высоко почитаемой фигурой, сталкивался с тем, что его власть становилась все менее реальной, так как со всех сторон ее понемногу ущемляли.

Он избирался на свою должность своими согражданами, но сохранял ее за собой только благодаря милости монарха. Теоретически он возглавлял всю деятельность населения своего района, но храм ему приходилось уступать куакуилли, районному жрецу, который принадлежал к жреческой иерархической системе, а «дом для юношей» – воинам-педагогам, назначенным сверху. По словам Торквемады, каждый день он был обязан приходить во дворец за распоряжениями: «он ожидал уэя кальпишки, главного распорядителя, чтобы тот сообщил ему, что приказал и повелел великий господин (император)». В его подчинении находились чиновники, чьей обязанностью было надзирать за группами из двадцати, сорока и ста семей в отношении выплаты налогов и выполнения коллективных работ, таких, как уборка или общественные работы. По крайней мере, теоретически они были ему подчинены, но возникает определенное впечатление, что они на самом деле принадлежали, если можно так выразиться, к бюрократической административной системе, которая находилась вне его власти. «Число чиновников (*oficiales*), которое имелось у этого народа для всякой малости, было так велико, а все записи велись так хорошо, что не было недостатка ни в отчетах, ни в списках жителей (*padrones*);

ведь для всего были свои чиновники постарше и помладше (*mandoncillos*), даже для подметальщиков. Весь город и его районы были поделены, так как человек, который отвечал за сто домов, выбирал и назначал пять или шесть других служащих, подчиненных ему, и делил эту сотню домов между ними так, что каждый, осуществляя надзор за пятнадцатью или двадцатью домами, мог руководить и распоряжаться их жителями с целью обеспечения сбора налогов и выделения необходимого количества людей для общественных работ. Точно так же городские чиновники (*oficiales de la republica*) были столь многочисленны, что их невозможно было сосчитать».

Эта картина мексиканского чиновничества, странным образом напоминающая административную систему империи инков в Перу, почти не оставляет иллюзий относительно того, насколько большой независимостью мог пользоваться кальпуллек, имея над собой уэй кальпишки, а внизу бюрократическую систему. Он был традиционным вождем, сохранившимся от старых времен, и теперь оказывался в несовместимой связи с централизованной системой управления, которая являлась частью не местных общин, а государства.

Наконец, хотя можно допустить, что в самом начале у него была некоторая военная власть, ее у него отняли почти целиком. На практике все разрозненные отряды объединялись в четыре корпуса в соответствии с четырьмя большими районами города: Теопан, Мойотлан, Ацтакалько и Куэпопан. Эти корпуса находились под командованием гораздо более высокопоставленных лиц, чем местные вожди. В стране, находящейся в состоянии непрекращающейся войны, армия предлагала храбрым и амбициозным людям карьеру, особенно богатую почестями и властью.

Само собой разумеется, что в Теночтитлане каждый мужчина независимо от происхождения либо был воином, либо хотел им стать. Чиновники либо уже были, либо собирались стать воинами: жрецы, по крайней мере в молодости, уходили на войну, чтобы захватить пленника, а некоторые из них, тламакацтекиуаке, были и жрецами, и воинами. Что же касается торговцев, то мы увидим, что их профессия не была такой мирной, как в наши дни, а была больше похожа на вооруженную разведку или колониальную экспедицию.

Мальчику с самого рождения было предназначено стать воином. Его пуповину закапывали вместе со щитом и небольшими стрелами и произносили традиционные слова о том, что он пришел в этот мир воевать. Богом-юношей был Тескатлипока, которого также называли Йаотль, «воин», и Тельпочтли,

«юноша». Именно Тескатлипока руководил тельпочкалли, «домами молодых людей», куда начинали ходить мальчики с шести-семи лет. В каждом районе имелся такой дом, и образование, которое там можно было получить, было, по сути, обучением военному делу, в котором мексиканские мальчики жаждали отличиться. Когда им исполнялось десять лет, мальчикам обрезали волосы, оставляя на затылке одну прядь. Эта прядь называлась пиочтли, и им не разрешалось обрезать ее, пока им не удавалось взять в бою пленника, даже если для этого они должны были вдвоем или втроем объединить свои усилия.

Воин, который совершил этот свой первый подвиг, с той поры получал звание ияк. «Я ияк», – сказал Тескатлипока; так молодой воин уже соперничал с богом. Он обрезаю прядь волос на затылке и отпускал волосы, пока они не начинали закрывать его правое ухо. Но он поднялся всего лишь на одну ступень, и, если не проявлял себя лучшим образом в двух или трех последующих военных походах, ему приходилось уходить из армии и отказываться от ратного дела. Он был вынужден посвятить себя своему клочку земли и своей семье – принять свой тягостный удел. Ему никогда уже нельзя будет надеть ни раскрашенную и расшитую одежду, ни ювелирных украшений. Он станет всего-навсего масеуалли.

Но с другой стороны, если к нему благоволили боги, если (как сказал бы мексиканец) он родился под счастливым знаком, он продолжал свою воинскую карьеру. После того как он взял в плен или убил четырех врагов, он получал звание текиуа («тот, у кого есть доля дани»), то есть достигал той высшей категории воинов, которая участвовала в дележе добычи. Он становился военачальником и приходил на военные советы, получал право носить определенные головные уборы из перьев и кожаные браслеты. Для него открывались и более высокие чины, и он мог стать куачиком, куаучичимекатлем, то есть «чичимек-орлом», или отомитлем, по названию древнего, дикого, воинственного племени, которое обитало в горах к северу от Мехико. И наконец, он мог стать членом одного из двух высших воинских орденов: ордена «рыцарей-ягуаров», воинов Тескатлипоки, которые в бою надевали шкуры ягуаров, и ордена «рыцарей-орлов», воинов солнца, носивших шлемы в виде головы орла.

В одиннадцатый месяц года, Очпаництли, сам император распределял почести и награды. «Все они стояли ровными рядами перед Монтесумой, который восседал на своей циновке из перьев орла (куаупетлапане): он и в самом деле сидел на орлиных перьях, а спинкой ему служила шкура ягуара... Все стояли перед ним и приветствовали его. У его ног лежало разнообразное оружие и знаки отличия,

щиты, мечи, плащи, набедренные повязки. Они стояли перед ним и отдавали ему честь, и каждый по очереди получал от него дары. Затем они отошли в сторону, чтобы украсить себя и надеть свои знаки отличия. Он (император) подарил эти великолепные украшения великим военачальникам... Когда все они таким образом оделись, они снова сомкнули свои ряды перед Монтесумой... Украшения, которые они получили, были их наградами, а служили они, чтобы получать их (за свою службу). А наблюдавшие за этим женщины – старухи, возлюбленные – проливали горячие слезы, а их сердца были полны печалью. Они говорили: «Вот наши любимые дети. Если через пять или шесть дней будут произнесены слова «вода и огонь» (то есть «война»), вернутся ли они когда-нибудь? Найдут ли они дорогу домой? Они действительно уйдут навсегда».

Но эти горестные жалобы, которые допускала традиция, совершенно не отвращали воинов от своей также традиционно уважаемой и овеянной славой карьеры. Для них смерть в бою или, еще лучше, смерть на жертвенном камне обещала им счастливую вечную жизнь после смерти. Ведь воин, который был убит на поле боя или на алтаре, обязательно становился одним из «братьев орла», куаутека, одним из тех, кто сопровождал солнце от его восхода до зенита в сверкающем светом и радостью процессии, а затем перевоплощался в колибри, чтобы вечно жить среди цветов.

На встречах самого высокого уровня высший военный ранг сливался с высшим государственным рангом. Одним из титулов императора был тлакатекутли («господин над людьми», то есть над воинами), и его первой функцией было осуществление командования не только мексиканскими армиями, но и армиями городов-союзников. Самые важные из высоких сановников, которые находились рядом с ним, занимали исключительно военные посты, по крайней мере сначала: в военное время четверо из них командовали армиями, получавшими снабжение из четырех районов столицы.

Из этих «четырех великих» выделяются двое из-за почестей, им оказывавшихся. Этими двумя были: тлакатекутль, «тот, кто командует воинами», и тлакочкалькатль, «человек из дома копий». Очевидно, эти титулы означают, что у первого в руках было военное командование, а второй отвечал за арсеналы (тлакочкалли), где хранилось оружие. Обычно они были близкими родственниками императора, и часто из них и выбирали монарха: Ицкоатль, Ашайакатль, Тисок и Монтесума II были тлакочкалькатлями на момент своего избрания, а Ауицотль – тлакатекутлем. Они носили роскошную, великолепную одежду: расшитые плащи, ювелирные украшения, перья. Их дома и образ жизни

были такими же, как и у императора. Они были среди первых, кого император жаловал подарками и наделял частью добычи в виде земель в захваченных провинциях. Оба они занимали очень высокое положение и обладали огромными богатствами.

Все это относилось и ко всем отличившимся воинам согласно их званию: по мере их продвижения вверх по иерархической лестнице росла их слава, и, когда они заслуживали право носить все более и более великолепные украшения и одежды, они одновременно получали подарки и доходы с различных поместий. Они не только освобождались от обязанности обрабатывать свои собственные земельные наделы, как это делали обычные мексиканцы, но и получали земли, главным образом на завоеванной территории, которые для них обрабатывали другие.

Они были состоятельными людьми, обладая прекрасными домами, множеством слуг, великолепными драгоценностями и одеждой, забитыми до отказа кладовыми и сундуками. Но следует помнить, что это богатство приходило к ним только после славных подвигов и как их следствие. Человек был богат, потому что ему оказывались почести, но они ему оказывались не потому, что он был богат. Кроме того, достойное почета деяние было единственным способом достижения богатства для человека из правящего класса.

Испанцы считали этих военачальников знатью, приближенной к императору, подобно европейским дворянам при дворе короля Испании или Франции. Но они явно ошибались, так как двор императора ацтеков состоял не из потомственных магнатов, обладающих огромными поместьями или унаследованным состоянием, а из военных или гражданских официальных лиц, которые пользовались привилегиями, прилагающимися к их должности.

Правящий класс постоянно обновлялся, вбирая в себя представителей основной массы населения, и в этом была его огромная сила. Любой воин, которому удавалось захватить в плен четырех человек, становился текиуа и, таким образом, попадал в высший класс независимо от своего происхождения. Более того, император заполнял вакансии в более высоких эшелонах власти путем выдвижения достойных людей, и часто в конце сражения или военной кампании он выдвигал на высшие посты целую группу людей: Монтесума II после победы над армией Тутотепека таким образом «поднял» двести шестьдесят человек.

Тесосомок утверждает, что все простолюдины, которые отличились на войне с Койоаканом, были продвинуты на самые высокие посты после сдачи города, и одновременно каждый получил вознаграждение в размере дохода с одного поместья или даже больше. Более того, даже уже на упомянутые важные должности тлакочкалькатля и тлакатеккатля люди назначались таким образом, чтобы по крайней мере одну из них занимал воин, выдвинувшийся из рядовых в офицеры, *criado en las guerras*[4 - Произведенный в войнах (исп.)], по выражению Саагуна.

В обществе, столь жадном до славы, в котором эта слава основывалась предпочтительно на заслугах перед всеми – о поразительном исключении, которое составляли торговцы, будет рассказано позже, – воины занимали завидное положение. Когда отец читал своему сыну какое-либо наставление, принятое у ацтеков, он постоянно ставил их в пример как образец для подражания. Их превосходство всегда было очевидным не только благодаря их одежде и знакам отличия, но и благодаря привилегиям, которыми они обладали на различных ритуалах и церемониях. Например, в восьмой месяц года под названием Уэй текуильуитль, «большой праздник сановников», только «военачальники и другие храбрецы, привычные к войне» допускались принять участие в священном танце, который происходил ночью у подножия пирамид при свете огромных жаровен и факелов, которые держали юноши. Они танцевали парами, а к каждой паре воинов присоединялась женщина (одна из ауианиме, подружек холостых солдат). Ее волосы были распущены по плечам, а одета она была в расшитую юбку с бахромой. Танцоры носили украшения согласно своему рангу: куачик имел право носить украшение на губе в форме птички, отомитль – в форме листка водоросли. У всех в ушах были диски из бирюзы. Танец длился несколько часов; иногда и император приходил принять в нем участие.

В следующем месяце, тлашочимако, проходил не менее торжественный танец в честь Уицилопочтли перед его теокалли; но этот танец начинался в полдень, ведь Уицилопочтли был богом солнца в зените. Здесь воины вставали по ранжиру; сначала куакуачиктины и отоми, затем текиуаке, за ними молодые люди, взявшие в плен одного врага, потом «старшие братья», отличившиеся солдаты, которые занимались обучением молодежи, и, наконец, юноши из районных школ. «И они держались за руки, как во время танцев простолюдинов в Старой Кастилии – одна женщина между двумя мужчинами и один мужчина между двумя женщинами; они кружились в танце и пели. Наиболее закаленные на войне воины, которые находились в первом ряду, держали своих женщин за талию, как будто обнимали их. Но другие, занимавшие менее высокие воинские

посты, не могли заходить так далеко».

И во многих других случаях воины оказывались в центре внимания и почитания восхищенной публики. Так бывало, например, когда каждые четыре года проходили празднества в честь бога огня: император и его главные советники, все в украшениях из драгоценных камней и перьев, исполняли «танец сановников». Или в дни под знаком се шочитль («один цветок»), когда монарх, посреди пения и танцев, раздавал им богатые подарки; или, естественно, всякий раз, когда победоносная армия возвращалась домой из похода, вступая в город по одной из насыпных дорог, старейшины приветствовали их, а звуки тепонацтли и труб сопровождали их от самого берега озера.

Эти высокопоставленные лица не являлись аристократией в европейском понимании этого слова. В те времена, о которых идет сейчас речь, появилась тенденция делать наследуемыми те отличия, что изначально прилагались только к занимаемой должности. Сын текутли не опускался до уровня масеуалли, простолюдина; по одному только праву рождения он получал титул пилли, первоначальное значение которого – «ребенок» или «сын», но который приобрел смысл «сын текутли» или, как говорили испанцы, «сын идалъго», «сын важной птицы».

Теоретически пилли не имели привилегий, и, чтобы сделать карьеру в армии, органах управления или религии, он должен был приложить так же много усилий, как и любой масеуалли. На самом же деле у него было множество преимуществ с самого начала благодаря положению его отца и высшему образованию в кальмекаке, а не в местной школе. Именно среди пилли император легко находил чиновников, судей и послов. Пилли, как социальную группу, можно поместить посредине между народом и правящим классом. Они являлись неиссякаемым источником для удовлетворения постоянно возраставших потребностей постоянно возраставшего управленческого аппарата.

Следовательно, постепенно появлялась аристократия. Но все же нельзя забывать, что пилли, который не сделал ничего выдающегося в течение своей жизни, не оставлял своим детям никакого исключительного положения. Престижа положения текутли хватало едва ли более чем на одно поколение, если только к его возрождению не прилагались новые усилия.

По мере того как империя росла, а предпринимаемые государством действия становились все более разнообразными, обязанности ее чиновников неизбежно делались более узкими. Очень трудно дать точную оценку функций тех официальных лиц, чьи звания дошли до нас. Вероятно, большинство этих чинов уже не имели никакого отношения к их буквальному значению, имея в этом сходство с чинами, бывшими в ходу в Римской или Византийской империях или во Франции эпохи королей. Тлилланкальки, вероятно, был «хранителем темного дома» в той же степени, в какой коннетабль Франции (один из высших сановников французской монархии, в XIII–XVII веках главнокомандующий. – Перев.) был человеком, отвечавшим за конюшни. Но, несмотря на все это, во времена Монтесумы II мы можем различить три класса чиновников.

На первом месте стояли правители некоторых городов или опорных пунктов. И хотя они обладали воинскими званиями тлакочтекутли («властелин копий»), тлакатекаатля и даже тлакатекутли или, гораздо реже, тецкакоакатля («зеркальный змей») или тлилланкальки, их обязанности, вероятно, в значительной степени были штатскими и управленческими. В нескольких городах было одновременно два правителя – в Остомане, например, Сосолане и Уашьякаке (Оашаке), – так что вполне возможно, что один правитель отвечал за административные вопросы, а другой – за командование гарнизоном.

Общее слово, которым назывались все чиновники, связанные с аппаратом управления, и в особенности с налогами, было кальпишке,

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

Совсем младенческие народы, рожденные в своих снах, едва распускаются над кустарниками (фр.).

2

Квартал (исп.).

3

Новые дома (исп.).

4

Произведенный в войнах (исп.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/sustel-_zhak/acteki-voinstvennye-poddannye-montesumy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)